

Ю.Я. Вин

**Диалог социального и культурного в
информационном исследовании византийских
источников: понятийно-терминологический аспект
как проблема исторического познания***

Аннотация: Статья посвящена понятийно-терминологическому аспекту информационного исследования византийских источников (в основном, правового характера). Изучается ряд специальных понятий и терминов исторических источников с позиций исторического познания и информатики на основе теоретической оценки возможностей, предоставляемых указанными научными отраслями исследователю.

Ключевые слова: понятия и терминология исторической науки, теория исторического познания, Византийская империя, византийское право, компаративистика.

Об авторе: Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32-а.

Yury Y. Vin

**The Dialogue of Social and Cultural Issues in
Information Studies of Byzantine Sources :
Conceptual and Terminological Aspect as a Problem
of the Historical Knowledge**

Abstract: The article is devoted to the conceptual and terminological aspects of information studies of Byzantine sources (mostly of a legal nature). We study a number of special terms and concepts of historical sources from the standpoint of historical knowledge and theoretical computer-science based evaluation of the opportunities provided by the mentioned scholar fields.

Keywords: concepts and terminology of historical science, theory of historical knowledge, Byzantine Empire, Byzantine law, comparative studies.

*Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 09-01-00048а).

About the author: Yuriy Vin, Senior Researcher of the Institute of World History, RAS. Moscow, 119334, Leninsky Prospect, 32-A.

Слово – это единство значения и звучания. ...
Значение – семантика слов проявляется в контексте, в отношениях
с другими словами...
Р.А. Будагов

So tut sich alsbald ein schwieriges, für die Rechtsgeschichte wichtiges,
für den Rechtshistoriker zentrales Problem auf: die Frage nach dem
Verhältnis von Wort und Begriff.
(Таким образом сразу возникает трудная, для истории права –
важная, для историка права – главная проблема: вопрос о
соотношении слова и значения.)
K.S. Bader

Изучение специальных понятий и терминов исторических источников с позиций исторического познания и информатики в целом настоятельно требует взвешенной теоретической оценки возможностей, предоставляемых указанными научными отраслями исследователю. Равным образом это касается и решения конкретных задач с целью создания универсальной информационной технологии. Она предусматривает построение банка данных и других программных средств систематизации и анализа аутентичных понятий и терминов византийских источников. Исследование предполагает обращение к исконным формам понятий и терминологии исторического источника. Современная историческая наука изобилует почерпнутыми там специальными понятиями и терминами, к примеру: «феод», «домен», «поместье», «барщина», «испольщина» и тысячами других, без которых ныне специалисты вряд ли сумеют соткать полотно своего исследования. На этом пути, однако, прежде всего возникает проблема соотношения в объекте изучения – оригинальных понятиях и терминах – их социального и культурного значения. Сама по себе эта проблема принадлежит к сфере не столько информатики или ее исторического, то есть междисциплинарного, направления, сколько исторического познания. Именно оно призвано дать ответ на вопрос о допустимых пределах

научной интерпретации семантики, выраженной в самобытных понятиях и терминах исторического источника. Правда в сфере истории информационный подход к решению указанных проблем затрудняет, как подчеркивают современные антропологисты, необычная и несвойственная для названной научной отрасли ориентация на изучение уровня умственного развития и психологии человека прошлого¹.

Приступая к теоретическому обоснованию информационного исследования специальных понятий и терминов, в первую очередь необходимо указать на его прямую обусловленность кардинальными направлениями семиотики языка. Она, как известно, раскрывается, по выражению Ю.С. Степанова, в трех измерениях – семантики, синтактики и прагматики. Семантика занимается отношениями знаков к тому, что они обозначают; синтактика – отношениями знаков друг к другу; прагматика (или дектика) анализирует отношения к знакам использующего их субъекта². Главные аспекты семиотики языка, говоря другими словами, демонстрируют, соответственно, разного рода приемы познания логического и лексического значения слов, их синтаксической и лексической сочетаемости, равно и отношения к знакам человека. Особого внимания требует установленная в свое время С.Н. Булгаковым неразрывная связь гносеологии и грамматики естественных языков. Это явление воплощает, по выражению философа, «и дух языка, и гений народа». Утверждая функциональный характер зависимости между грамматикой и гносеологией, мыслитель усматривал «недостижимую вершину прозрачности гносеологизма» в грамматике древних языков³. В них С.Н. Булгаков усматривал наибольшее совершенство и

¹ См.: Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека. М., 2005. С. 14-15.

² Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998; Новиков Л.А. Избранные труды. М., 2001. Т. 1: Проблемы языкового значения. Там же указана основная литература.

³ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 169-171 и далее.

насыщенность грамматики логикой⁴. Эти утверждения, очевидно, вполне согласуются с мнением Ю.С. Степанова, который различает в грамматике, скажем, древнегреческого языка различные по уровню «слои» или «пласты» языковой системы⁵. Значимое соотношение познания и языка — общепринятое положение современной гносеологии. Философия познания предполагает рассмотрение функций языка, обеспечивающих получение и выражение знаний, включая передачу информации и раскрытие смысла эмпирических понятий⁶.

В свете научных достижений наших дней нельзя не признать справедливость тех утверждений, которые в свое время огласил Г.Г. Шпет в своем главном труде «История как проблема логики». В заключении к нему прежде, чем углублять свои прозорливые наблюдения о сопряженности общих понятий с характером восприятия, интуицией и творческими озарениями человеческого интеллекта, известный философ напоминает читателям о роли человека, человеческого поведения и всего «человеческого» — всего того, что обозначено в исследовании феноменологии как объект научного изучения. Поэтому заявление Г.Г. Шпета о том, что для логики важно знать, как человек приходит к значению понятия, не станет для последующих поколений ученых иносказанием⁷. Этот тезис вполне сочетается с подходом к изучению понятий, который в свое время продемонстрировал видный специалист по логическим методам научного познания В.А. Смирнов. Принципиальной, выдвинутой на передний план стороной философских суждений ученого является утверждение о том, что субъектом познавательного процесса выступает не абстрактный индивид, а конкретный человек. Он, согласно

⁴ Там же. С. 175-176 и далее.

⁵ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 431.

⁶ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002. С. 477 и далее.

⁷ Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования; Материалы. М., 2002. С. 1017. Также см.: Он же. Явление и смысл. Томск, 1996. С. 22 и далее, 79 и далее, 156-157 и далее.

излагаемой концепции, является членом определенного коллектива и обладает определенными культурными навыками, языком и прочими семиотическими системами. Он познает мир на основе моделей, которые воспринимает по мере усвоения родного языка. Присущие человеку категориальные структуры мышления не есть нечто данное или, наоборот, произвольное. Они результат развития процессов познания в окружающем человека обществе. Само по себе их развитие предполагает смену картин и моделей мира⁸, систем мышления и способов его выражения. Поэтому не может быть и речи о безраздельном принятии гипотезы Сепира-Уорфа, декларировавших полную зависимость мышления и форм познания мира от естественного языка, которым наделила человека природа. Язык подвержен длительной эволюции, которая нарушает однозначное соответствие между грамматическим строем естественного языка и определенной через его посредство «картиной мира». Роль языка в изучении окружающего человека мира и построении его модели заключается в том, что самая его структура предполагает некоторые допущения о познаваемом. Анализ языка становится надежным средством выявления онтологических допущений, к которым обязывает данный язык⁹.

Впрочем, хотелось бы избежать односторонней оценки концепции лингвистической относительности названных ученых. Она нашла как своих приверженцев, так и ярых противников не только в отечественной

⁸ Всесторонний анализ и конструктивную критику получившего широкое распространение к научному обиходу понятия «картина мира» подробнее см.: Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 237-254, 264 и далее. Там же указана основная литература.

⁹ Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 2002. С. 138-139 и далее. О современной интерпретации в гуманитарных науках понятия «картина мира» и его соотносительности с «языковой картиной мира», ментальностью и культурой подробнее см.: Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001. С. 24 и далее; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 104 и далее, 267-268.

историографии¹⁰. За последние десятилетия и за рубежом проявили себя откровенные оппоненты концепции лингвистической относительности. Они опровергают возможность социального познания с помощью лингвистики на том основании, что язык не адекватен мышлению. Но их аргументы встречают резкий отпор сторонников обсуждаемой концепции. К примеру, А. Вежбицкая заявляет о том, что «язык – и, в частности, его словарный состав – представляют собою лучшее доказательство реальности ‘культуры’, в смысле исторически передаваемой системы ‘представлений’ и ‘установок’». Культура, по утверждению названной исследовательницы, «в принципе является неоднородной и изменчивой, но таков и язык»¹¹. С точки зрения современной феноменологии, каждый язык представляет собой определенное миропонимание¹². Правда, дискуссия о дедуктивно-номологических объяснениях языка показывает, что для языка как социокультурного механизма значимы не столько законы, сколько правила и нормы функционирования. В этих условиях действие собственно лингвистических изменений тормозится ввиду тех социальных сил, которые противоположны языковому развитию¹³. К этому доводу тяготеет мнение Р.А. Будагова о том, что социальные импульсы языка обнаруживают себя

¹⁰ Выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом теория лингвистической относительности в отечественной литературе на разных этапах ее развития стяжала отнюдь не однозначные оценки. Например ср.: Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 21 и далее, 96; Хроленко А.Т. Общее языкознание. Курск, 1999. С. 64-65 и далее; Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1999. С. 123-124; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 71 и далее. О взглядах и научных позициях Э. Сепира и Б. Уорфа подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 61 и далее; Карасик В.И. Языковой круг... С. 118-119 и далее.

¹¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 289-290. Характеристику позиции оппонентов (Пинкер, Нидхэм и других) концепции Сепира-Уорфа в современной западной лингвистике см.: Там же. С. 270-271 и далее, 292-293.

¹² Подробнее см.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 39 и далее.

¹³ Казарян В.П. Философия науки. М., 2005. Часть 2. С. 94.

даже тогда, когда сами они дают о себе знать как бы в обратном отношении к импульсам собственно языковым. Под влиянием социальных событий в языке наблюдается не только возникновение новых слов. Одновременно появляется огромное число новых значений у старых слов, происходит формирование новых словосочетаний, меняются соотношения между разговорной и письменной речью, из чего проистекают и многие другие языковые новации¹⁴. С этой точки зрения понятие предстает как общечеловеческая категория, тогда как значение слова выступает категорией данного естественного языка¹⁵. Значение признается органической частью самого слова¹⁶.

Именно в этом плане, видимо, оправдано предложение Р. Якобсона переосмыслить принципы организации языка на том основании, что он является единственной в своем роде системой, элементы которой, будучи означающими, — подразумеваются фонемы — полностью лишены значения¹⁷. В то же время выдающийся филолог в развитие учения о значении предлагает различать «слово» и «словосочетание». Если слово в языке представляет собою функциональное единство, которое коренным образом отличается от словосочетания, то следует, настаивает ученый, различие между общими значениями категорий слова и словосочетания¹⁸.

Ответ на поставленную задачу, в полном соответствии с главным онтологическим допущением о познаваемом, опирается на уяснение соотношения между лингвистической и логической структурой естественного языка. Решением служит признание того, что он призван передавать информацию о мире адекватным образом. Когнитивный взгляд на природу естественного языка побуждает выделять среди содержательных структур сознания привнесенные извне результаты обработки

¹⁴ Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000. С. 22-23.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С. 65-66.

¹⁸ Якобсон Р.О. Указ. соч. С. 137.

информации¹⁹. Примером того, скажем, является так называемое когнитивное пространство – будь то коллективное или индивидуальное, и «когнитивная база», то есть совокупности знаний и представлений, определяющие принадлежность субъектов к соответствующим социальным образованиям и институтам²⁰. Все это безусловно нацелено на соотнесение языковых категорий с явлениями внеязыковой действительности. Посредством того достигается описание мира во всем его многообразии. Выступая в известном смысле результатом противопоставления лингвистических и экстралингвистических факторов формирования человеческого сознания, языковые категории составляют когнитивные основания для общей категоризации и концептуализации мира. Поэтому специалисты, отводя указанным процедурам должное место в научном познании, в рамках исследования обыденного сознания в первую очередь обращаются именно к языковым категориям²¹.

К числу важнейших факторов формирования категорий обыденного сознания человека прошлого несомненно относятся культурные и социальные аспекты его существования, включая религиозные и правовые воззрения. Для их изучения оправдано, разумеется, использовать подход к проблеме культуры, разрабатываемый в настоящее время ведущими отечественными этнологами в рамках информационной концепции этноса. Согласно тому, бытие этнических общностей подлежит описанию на основе анализа связей, которые выявляются средствами исторической информатики. С указанных позиций роль этноса предстает как некий «информационный фильтр», обуславливающий психологическую устойчивость составляющих этнос общественных групп, их приверженность выработанным столетиями жизненным ценностям. Главная функция этноса – стабилизировать поток

¹⁹ Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 164.

²⁰ Подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 10.

²¹ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 315.

соционормативной информации в виду ограниченности информационных возможностей личностного восприятия каждого отдельного индивида²². Весь поток поступающей человеку информации структурируется свойственной ему «картиной мира», которая помогает фиксировать внимание на важном с общественной точки зрения и отодвигает на задний план второстепенное. Вследствие этого социальная информация, доступная человеку, была веками относительно однородна, циклична, упорядочена и, как правило, требовала однозначной реакции. К этому информационная концепция этноса делает немаловажное дополнение о том, что вся информация из внешнего мира проходит через «картину мира», представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко фиксированных в сознании человека. Оно пропускает только ту информацию, которая предусмотрена созданной им «картиной мира». Ту информацию, о которой человек не располагает надлежащими представлениями, которая не находит отображения в соответствующей терминологии, его сознание, не замечая, отбрасывает²³.

Современная наука демонстрирует различные подходы к так называемой картине мира человека. Исследования прошлого опосредуются этой широкоупотребимой метафорой и целым арсеналом научных терминов, таких, как «культурный концепт», «менталитет», и столь же метафоричное «языковое сознание». Эти и ряд других понятий позволяют раскрывать информационные и когнитивные аспекты явлений действительности²⁴. Так, «языковая картина мира» рассматривается как особое образование, рожденное в ходе познания и интерпретации

²² Об информационной теории этноса, основы которой заложены в трудах Н.Н.Чебоксарова и С.А.Арутюнова, подробнее см.: Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С. 106-107.

²³ См.: Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология... С. 107.

²⁴ О содержании указанных и близких к ним понятий подробнее см.: Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск, 1998. С. 21, 61-62; Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39-54.

окружающей человека действительности²⁵. Это складывающееся веками отображение и обобщение материального и духовного опыта народа, в котором объединены когнитивные и аксиологические компоненты²⁶. Воплощением любой системы категорий сознания бесспорно служат понятия и термины, анализ которых должен начинаться с их систематизации и установления степени преемственности в канве исторического развития. Придерживаясь главных принципов историзма, не допускающих транспонирования современных представлений в историческое прошлое, необходимо признать, что средневековый человек обладал совершенно иной степенью обобщения. Ей была свойственна большая, нежели ныне, конкретизированность общественных категорий²⁷.

Здесь надо подчеркнуть, что в отечественной науке задача восстановления общепринятых значений отдельных слов и фразеологических оборотов речи эпохи Средневековья, доселе оставаясь сугубой прерогативой лингвистов, опирается преимущественно на сопоставление старославянских и древнерусских переводов памятников церковно-канонической и полемической литературы²⁸. Между тем, проблема соответствий значений слов в родственных языках не получила достаточного теоретического обоснования²⁹. В основном речь ограничивается указаниями на конкретные межъязыковые соответствия. Главным способом преодоления возникающих при их установлении трудностей служит анализ функциональных и понятийных признаков лексики³⁰. Все остальное пока остается белой страницей, ждущей своего

²⁵ О конструктивной критике и особенностях применения этого и других аналогичных понятий, включая «языковое сознание» подробнее см.: Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 264-277.

²⁶ Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 21.

²⁷ Будагов Р.А. Язык и речь... С. 163.

²⁸ См.: Юрганов А.Л. Категории... С. 41-42.

²⁹ Подробнее см.: Будагов Р.А. Язык и речь... С. 229-239 и далее.

³⁰ Там же. С. 250-253.

исследователя. В то же время расхождение между языками обнаруживаются не только в общей их структуре, лексике и фонетике, но и способах выражения в каждом языке тех или иных понятий и категорий³¹.

На этом фоне актуальным представляется привлечение материалов византийских права и актов. Они, в свою очередь, настоятельно требуют выяснения значения почерпнутых там аутентичных понятий и терминов с учетом способов их выражения как в латинском, так и греческом языках, которые издревле составляли основу европейского культурно-языкового союза³², а также проверки семантических нюансов благодаря сопоставлению прототипов оригинальных понятий и терминов с их аналогами и эквивалентами на славянском языке. Собственно говоря, данный подход продиктован этнокультурными установками византийского общества, которые предопределили переход права с латинского языка на греческий, а также его контаминацию со славянскими рецепциями. Интерпретация стилистических особенностей греческого и латинского языков, как писал в свое время А. С. Лаппо-Данилевский, по существу своему требует внимания к истории и культуре греков и римлян³³.

В этой связи нельзя пройти мимо признания очевидной приоритетной роли древнегреческого языка, по выражению М.К. Петрова, «антично-христианского» периода вместе с присущим тому «категориальным потенциалом» в становлении европейского социокода, основанного на использовании универсальных языковых культур³⁴. Недаром уже отцы церкви выказывали убежденность в единой природе человеческого мышления, допуская всеобщую сущность языка. В то же время они признавали вторичность

³¹ Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М., 1985. С. 26.

³² Подробнее см.: Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2002. С. 46.

³³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 378-379.

³⁴ Подробнее см.: Петров М.К. Язык, знак культура. М., 1991. С. 93 и далее.

языка по отношению к реальному миру, которая, согласно воззрениям отцов церкви, налагала ограничения на возможности его познания. Их утверждения о том, что языковые знаки обладают значением не «по природе», а «по установлению», и разница наименований подразумевает различия представлений, по нашему мнению, свидетельствуют не только об универсалистских тенденциях христианской идеологии³⁵. Со времен средневековых грамматик положение о том, что форма языкового выражения обозначает «вещь» посредством «понятия», ассоциируется в умах говорящих с определенной формой³⁶. Берущие свое начало в универсалиях понятия образуются, согласно средневековой схоластике, в ходе процесса «концептирования». Одной из его граней являлось «понимание», то есть завершение движения ума, результатом чего служило возникновение понятий³⁷. Тем самым делалась очевидной, хотя далеко не всегда ясно осознаваемой, социальная и культурная подоплека идейной сущности понятий и терминов, которая заключалась в их значении. Его гносеологические корни раскрываются в современном языкознании на основе концепции языка как семиотической системы.

Итак, значение – основная категория семантики, ее центральное понятие³⁸. Наряду с ним «духовной», как называет Р. Якобсон, стороной содержания слова выступает его смысл³⁹. В этой связи нельзя также не вспомнить о намеченном в свое время С.Н. Булгаковым подходе к анализу существа слова, которое мыслитель видел в смысле и значении. Согласно тому, слова разных языков, разные оболочки, нанизываются на один и тот же смысл, и именно этот смысл делает их словами⁴⁰. Однако слово никогда не существует в обособленности, оно живо и актуально «всегда связною речью». Поэтому названный философ предлагал

³⁵ См.: Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М., 2002. С. 51-52.

³⁶ См.: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 44.

³⁷ Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. С. 255.

³⁸ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 346.

³⁹ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 31.

⁴⁰ Булгаков С.Н. Философия имени... С. 30.

устанавливать общую схему функционального строения речи, в которой слова обретают свой особый смысл, воплощаемый в целом определенном контексте. Основой выражения связной мысли, иначе говоря, «законченного» или «живущего» смысла, признано грамматическое предложение⁴¹. Продолжая эту мысль, С.Н. Булгаков заявлял, что слово всегда существует во фразе, в предложении, суждении, где оно приведено «в соотношение с другими словами-смыслами»⁴².

Приводимые положения воплощают одну из основополагающих проблем философии в целом, которая склонна отождествлять язык и мышление путем признания их идентичности, реализуемой в слове, понятии и предложении⁴³. Те же самые аспекты встают и в гносеологии языка. Выраженную в нем систему понятий, согласно теории языкознания, фиксируют и эксплицируют не только такие языковые единицы, как отдельные слова. Наравне с ними систему понятий формируют свободные словосочетания и предложения, содержание которых по своему объему значительно превосходит совокупность лексических десигнатов⁴⁴. Современная лингвистика особо рассматривает семантическую сочетаемость. Ее, как известно, отличает тесная взаимообусловленность со значением многозначных слов. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда вследствие семантических переносов наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, слово начинает использоваться для обозначения другого явления, сходного с первым по некоторым признакам и свойствам. Любое многозначное слово состоит из совокупности взаимосвязанных элементарных лексических единиц или лексикосемантических вариантов. При этом система

⁴¹ Там же. С. 67-69.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 112.

⁴⁴ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 95 и далее. Общую характеристику, классификацию и соотношение предложения и словосочетания см.: Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 241 и далее.

значений многозначного слова организована иерархически с выделением основных и производных значений. Основные значения наименее контекстно обусловлены, тогда как производные или переносные значения реализуются только в контексте⁴⁵. В этом плане многозначность слова, типичная для любого естественного языка, обнаруживает себя во всей своей функциональной подвижности и во взаимодействии, которое понимают как отношение, с другими словами⁴⁶. Благодаря тому даже изолированная фраза позволяет решать вопрос не только о том, в каком из своих значений выступает данное слово⁴⁷. Этот подход акцентирует обусловленность значения слова контекстом его употребления, а также через так называемые свободные, основные значения – соотносительность слова с обозначаемым им явлением, предметом или его свойствами⁴⁸.

Следующий шаг в указанном направлении делает когнитивная наука наших дней. Центральное место в анализе текста как когнитивного образования занимает вопрос об его информативности⁴⁹. Говоря о категориальных характеристиках слова, распознаваемых по его местоположению или сочетаемости, Е.С. Кубрякова отсылает к предложению, иначе – высказыванию. Оно наделено функцией выражать информацию, заключаемую в тексте. Знание слов при этом оказывается частью процесса понимания, которое предполагает охват содержания всего текста в целом⁵⁰. Решение задач концептуально-категориальной принадлежности слова диктует интерпретацию предложения как распределения потока информации. С этой точки зрения предложение, благодаря заключенным в нем языковым возможностям, призвано обеспечить переход от известной информации к новой⁵¹. Именно на фоне осознанной информационной связи

⁴⁵ Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 136-137.

⁴⁶ Будагов Р.А. Язык и речь... С. 96-97.

⁴⁷ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 163.

⁴⁸ Там же. С. 164.

⁴⁹ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 513, 518.

⁵⁰ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 182-183.

⁵¹ Там же. С. 217.

сообщаемых фактов между источником знания и его реципиентом возникает «значение». Им собственно оказывается мысль, во исполнении своей информационной функции передающая новое знание между двумя фактами. Само «значение» является фактом сознания того же порядка, что и память, воображение и вообще умственные способности, определяющие характер поведения человека. В самом общем смысле «значение» служит в качестве информации в живых системах, обладающих сознанием⁵². Возникая всякий раз, когда одно информирует о другом и настраивает сознание на это второе как информационно важное, «значение» оказывается явлением духовного плана – это информационная зависимость концептов двух вещей в сознании. «Значение» существует в концептуальных связях определенного вида, где концепты как дискретные содержательные сущности сознания, говоря словами М.В. Никитина, объединяются концептуальными связями⁵³. «Значение» языковых форм есть «концепт», связанный знаком. Оно связывает «концепт» во всех его ипостасях со знаком и посредством знака объективирует актуальные модусы концепта в знаковой деятельности⁵⁴.

Современная лингвистика, различая языковое значение и концепт, предлагает выводить значение языкового знака из наблюдаемых фактов его употребления. При этом исходным пунктом когнитивного анализа является посылка в том, что концепт и слово или сочетания слов, представляющие концепт, образуют единство. В нем компоненты лексического значения слова выражают значимые концептуальные признаки, несмотря на то, что сам концепт объемнее лексического значения слова. Концептуальные признаки, объективированные в тех или иных лексико-семантических вариантах и их отдельных компонентах, входят в структуру концепта. Она на самом деле гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова. Структура концепта – это совокупность

⁵² Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 85-86.

⁵³ Там же. С. 151.

⁵⁴ Там же. С. 174, 269.

обобщенных признаков предмета или явления, необходимых и достаточных для его идентификации как фрагмента картины мира. В этом свете познание рассматривается как выявление признаков объектов мира и процесс построения информации и упорядочивания знаний о мире. В этом смысле концепты выступают единицами концептуальной системы в ее отношении к языковым выражениям, заключающим информацию о мире. Анализ концептов, воплощаемых в том или ином языке, позволяет путем установления инвариантных признаков в структуре концептов раскрывать более глубокие и существенные свойства изучаемого предмета или явления⁵⁵.

Выдвигая положение о концептах как оперативных единицах сознания, когнитивная лингвистика обосновывает необходимость изучать «значение» посредством концептуальных структур, которые отображают сведения о системе знаний. Наметившийся в когнитивной семантике новый подход к интерпретации «значения» напрямую связывает его со знанием⁵⁶. С указанных позиций отношение знака к вещи всегда опосредовано «концептом», то есть понятием или представлением, которое разворачивается согласно схеме: знак – «значение» (концепт вещи, признака, события) – вещь (признак, событие). При этом «концепт вещи» (признака, события) как компонент структуры знака получает название «значение». Это наиболее общий и широкий, по словам М.В. Никитина, термин для этой стороны знака. Наряду с тем используются также термины «означаемое», «смысл» и другие, опосредующие другие части и виды «значения» и связанные с иными концепциями «значения» и его структуры⁵⁷.

Одновременно со «значением» слова характеризуется и его «значимость». Ее отечественное языкознание рассматривает как «результат действия фактора

⁵⁵ См.: Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 8-9 и далее.

⁵⁶ Кубрякова Е.С. Язык и знание... С. 490.

⁵⁷ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 115-116. Также см.: Там же. С. 171 и далее, 174, 175.

системности»⁵⁸. «Значимость» определяет отношение знака к другим знакам в образованной ими системе, получив наименование «структурное значение». Наиболее полно оно раскрывается в синтагматических и парадигматических отношениях. Без них невозможно описать лексическое значение слова⁵⁹. В то же время нельзя отвергнуть тезис, который выдвигает Р. Якобсон: любой компонент языка и, в частности, любая фонема и любой различительный признак является социальным достоянием (= значимостью)⁶⁰. Соответственно современная когнитивная семантика предлагает судить прежде всего о когнитивно-прагматических аспектах концептуальных значений, понимая их отношение друг к другу широко как некий «удельный вес» того или иного концепта в духовной деятельности и культуре народа⁶¹. В свою очередь, философия указывает на тесную взаимосвязь «значения» слов со «значимостью» предложений. Как отмечает Б. Рассел, «значимость» простейших предложений, обусловленная состоянием носителя мнения, позволяет определять «значение» слов⁶². «Значение» слова, как и «значимости» предложения, проистекает из ситуации, служащей причиной его использования, равно и действиями, вызванными данным словом в результате его «прослушивания»⁶³. В этой связи английский философ также затрагивает и тот аспект логических проблем языка, который касается употребления слова в предложении. Когда оно – слово – туда входит, говорит мыслитель, речь идет не о слове, а о том, что оно означает. Тогда же, когда в центр внимания помещается самое «слово», оно заключается в кавычки. И в то время, как единичные слова, подчеркивает Б. Рассел, по крайней мере объектные слова, обладают

⁵⁸ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 89-90.

⁵⁹ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 95 и далее.

⁶⁰ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 75.

⁶¹ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 215.

⁶² Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 184. О значимости предложений подробнее см.: Там же. С. 187 и далее, особенно – С. 202.

⁶³ Там же. С. 210 и далее.

значением, внешним по отношению к языку, суждения, постольку, поскольку они могут быть ложными, вовсе необязательно обладают непосредственной связью с внешними объектами⁶⁴.

Отдавая должное «значению», семантика констатирует, что в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей: 1) категории действительного мира; 2) категории мышления, отображающие логику и психологию человеческого познания; 3) прагматические факторы целенаправленного использования языка в человеческой деятельности; 4) отношения между знаками – единицами языковой системы. Соответственно знак сочетает в себе четыре разных типа информации: об определенном фрагменте картины мира; о его отражении в сознании человека; о характере использования знака; о его связи с другими знаками⁶⁵. Разумеется, следует различать языковое значение слова и присущее ему мыслительное содержание – понятие. И то, и другое являются категориями мышления, суть отражениями действительности в человеческом сознании. Они, однако, представляют разные виды отражения. Если языковое отражение фиксирует его различительные черты, то понятие – это полное отражение в сознании признаков и свойств некоторой категории объектов и явлений действительности⁶⁶. Понятие, говоря словами современной антрополингвистики, – форма мысли, отображающей наиболее существенные черты и признаки объектов и явлений окружающего мира⁶⁷.

В конечном счете современная когнитивистика, соотнося между собой значение, понятия и концепты, опирается на интерпретацию «понятия» как ментального образования, то есть относящегося к сфере мышления,

⁶⁴ Там же. С. 302-303.

⁶⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 43.

⁶⁶ Там же. С. 47. О соотношении между лексическим значением слова и понятием также см.: Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 121 и далее.

⁶⁷ Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антрополингвистики... С. 19.

степень обобщения которого поставлена в зависимость от выраженной в нем культурной специфики. В свою очередь принадлежащий к сфере сознания «концепт», ассоциативно связанный с представлениями и понятиями, рассматривается как фрагмент жизненного опыта человека. Он пользуется своим опытом для расчленения действительности с целью ее познания. При этом лексически в процессе общения концепты бывают выражены словами, словосочетаниями, фразеологизмами, предложениями и так далее⁶⁸.

Задачи информационного анализа лексики настоятельно требуют систематизации выявляемых в тексте понятий и терминов прежде всего путем построения их иерархически образуемых семантических рядов. Это вполне отвечает особенностям изучения византийской и древнерусской культур, ориентированных на риторическую их организацию. Каждая ступень в возрастающей иерархии семиотической организации названных культур дает увеличение пространства смысловой структуры. Составляя цепь непрерывного усложнения иерархии от незнакового мира вещей к системе знаков и социальных языков, а затем – к соединению знаков различных языков, их знаковая природа перерастает в неперебиваемое ни на один из них соединение с трансцендентальной божественной Истиной⁶⁹. Отдавая должное идейной обусловленности иерархических построений, их текстуальное воплощение надлежит выстраивать с учетом правил синтагматики и парадигматики. Синтагматику в названном плане представляет иерархия развертывания текста, а парадигматику – иерархия классов, образуемых в ходе обобщения выделенных на разных этапах синтагматического анализа образов и фигур⁷⁰. Особое значение обретает фиксация валентностей, то есть естественной словосочетаемости аутентичных понятий и терминов как одного из главных способов определения их идейной сущности.

⁶⁸ Карасик В.И. Языковой круг... С. 45 и далее.

⁶⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999. С. 64.

⁷⁰ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 64 и далее, 72.

Примерами изучения особенностей средневековой ментальности могут служить системы обозначения отношений родства и собственности. Будучи достаточно хорошо изученными с фактической точки зрения, отношения родства вполне закономерно делаются объектом комбинаторной логики⁷¹. Точно так же выраженные в византийских источниках отношения собственности ввиду разграничения отдельных признаков прав собственности, владения и пользования представляют собой широкое поле для умозаключений относительно идеологического смысла применяемых для обозначения того понятий и терминов. И прежде всего речь идет о влиянии конфессиональных установок на процессы формирования понятий и терминологии византийских источников⁷². Показательно, в частности, непосредственное соотнесение политико-правового содержания понятия «прония» (буквально: «забота», «попечение») с богословскими идеями о божественном провидении⁷³. В качестве излюбленных примеров прямого опосредования богословскими идеями социально-технических терминов также названы понятия «парикия» и «парик»⁷⁴. К тому же разряду с последовательным постоянством причислен и термин «ипостась»⁷⁵. Этот перечень, конечно, мог бы быть беспрельдно умножен. Но так ли безупречны приводимые на этот счет доводы?

Безусловно, нельзя оспорить влияния религиозной доктрины на общественную жизнь и сознание византийцев. Вопрос заключается в объяснении конкретных форм и

⁷¹ Там же. С. 360-364.

⁷² Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV – XV вв.). М., 1992; Она же. Социальная информация в общественных отношениях в Византии // Вестник истории. 2003. № 11. С. 52-61.

⁷³ Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 37 и далее, особенно С. 49-50, 92-93 и далее.

⁷⁴ Например, см.: Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 51 и далее, 92-93, 146 и далее.

⁷⁵ Например, см.: Там же. С. 86-87 и далее, 92-93, 146 и далее; Она же. Социальная информация в общественных отношениях в Византии... С. 59.

способов этого влияния. Историки, как правило, не затрудняют себя неуязвимой аргументацией, в качестве которой хотелось бы видеть исчерпывающий контекстуальный анализ и наблюдения над лексико-семантической системой привлекаемых к изучению источников. Поднимая названную проблему влияния философско-богословской доктрины на формирование понятийно-терминологического аппарата права и делопроизводства в Византии, очевидно, необходимо признать ее воздействие на умы современников. Правда, по формам и способам такое влияние, вероятно, претворялось в жизнь не столь однозначно, чтобы отождествлять этот процесс с характером религиозной идеологии в Средневековье. Недостаточно сослаться на довольно хорошо подкрепленное прямыми цитатами источников исследование пронии, которое проделал М.А. Морозов⁷⁶. Ведь терминологические изыскания М.А. Морозова исходят из признания факта полисемантической термина «прония»⁷⁷. Постоянно апеллируя к широте социально-экономического содержания названного термина, автор приходит к неутешительному во всех отношениях выводу: рассмотренные источники дескать «не позволяют утверждать, что слово “прония” ... приобретает свое конкретное значение»⁷⁸.

Действительно, обращаясь непосредственно к примерам византийского права и актов, нельзя не отметить вполне очевидной неоднозначности толкований понятия «прония». Сейчас нет нужды рассуждать о «произволении Божиим» при разделе воинской добычи, что предписывает «Эклога» Льва и Константина (Е.16.2.2). Понятие «прония» сравнительно часто появлялось на листах законодательных установлений византийских императоров и их кодификаций как форма обозначения способа «управления» земельной

⁷⁶ Морозов М.А. «Прония» в византийских монастырских уставах Григория Пакуриана и Михаила Атталиата // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 117-133.

⁷⁷ Там же. С. 116.

⁷⁸ Там же. С. 127.

собственностью. Войдя в обиход в данном смысле слова на рубеже X – XI вв., изначально «прония» подразумевала делегирование государством привилегированному собственнику на условии несения им воинской, а впоследствии и гражданской службы доходов с пожалованной территории, равно – позже, с XII – XIII вв., когда прония делается наследственной – и передачи самих земельных владений в распоряжение их получателей. Правда, до настоящего времени ведущие специалисты, изучающие «пронию», высказывают сомнения относительно содержания этого термина, считая его весьма неясным⁷⁹.

Обретая в средневековой Византии специфические терминологические очертания, слово «прония» отнюдь не утрачивает своих всевозможных обиходных значений. В частности, их можно усмотреть в предписаниях византийского законодательства регулировать те или иные аспекты административного управления посредством «заботы» местного архонта)⁸⁰ и, тем более, в необходимости срубить соседское дерево, выращенное между дворами⁸¹. Точно так же не становится поводом для конфессионально мотивированных объяснений смысл «пронии» в качестве проявления «заботы» со стороны местного епископа или архонта в минуты крайней опасности для находящихся под их юрисдикцией населенных пунктов⁸². Равным образом должно расценивать ситуацию, когда «пронии» — в смысле «заботы» – требовали к себе родные дети и хлопоты об их благополучии⁸³.

Довольно ясно показывают неоднозначность терминологического толкования понятия «прония» и

⁷⁹ К примеру, см.: Karayannopulos I. Ein Beitrag zur Militarpronoia der Palaiologenzeit // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit / Hrsg. v. W. Seibt. Wien, 1996. S. 75 u. a.

⁸⁰ Например, см.: B.A. XXVIII.7.17; XXXVIII.9.41; XLI.1.88; LX.3.58.

⁸¹ Например, см.: Proch. 38.20; Proch. auct. 38.22; Armen. Hexabibl. II. 4, 90.

⁸² Например, см.: B.A. LX.55.2 — Proch. auct. XXXIX. 222 — Armen. Hexabibl. VI. 14, 8.

⁸³ Ср.: Proch. 33.14; Proch. auct. 33.15; Armen. Hexabibl. V. 10, 1.I. Также см.: Ibid. IV.10.41.

документальные материалы. Так, завещание конца XI в. монахини Марии, вдовы Симбатия Пакуриана, дважды взывает от ее имени к «пронии моей души». Это понятие, будучи приведено в прямой связи с упоминанием Бога, несомненно наделено неким «непредусмотренным» для институционального варианта значением⁸⁴. Оно само по себе не препятствовало владельцам недвижимости прибегать в первые десятилетия XII в. к понятию «прония», используя его отнюдь не в фискально-терминологическом употреблении и тем более не в богословском смысле слова, а для непосредственного выражения заботы о себе или своих детях⁸⁵. Причем данную семантику понятия «прония» подкреплял его синоним – слово, наделенное тем же самым лексическим значением «забота»⁸⁶.

Даже в тех случаях, когда понятие «прония» в документах приобретало отчетливое терминологическое звучание, оно не было отделено непреодолимым барьером «высокого штиля» богословской риторики от обиходного значения слова. Это подтверждает, скажем, акт афонского прота Феофана, составленный в 1312 г. по поводу погашения задолженности катигумена Дохиарского монастыря перед настоятелем другой монашеской обители путем передачи заимодавцу принадлежавшего названному монастырю земельного участка⁸⁷. Поскольку описанный в этом документе факт мог стать для монахов прецедентом постыдного «соблазна», вынесенное тогда постановление с первых же строк не просто взывает к «пронии», которая сопоставляется с «заботой»⁸⁸. Наравне с тем глава афонского Совета для пресечения возможного «скандала» настоятельно требовал и «пронии», и, в первую очередь, «содействия»⁸⁹. Однако вряд ли будет удачна попытка объяснить смысл

⁸⁴ См.: Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II: Texte (Далее – Ivir. II). № 47.58, 66.

⁸⁵ Например, см.: Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. Paris, 1984. Texte (далее – Doch.). № 3.20.

⁸⁶ См.: Doch. № 4.14-15.

⁸⁷ См.: Doch. № 12.

⁸⁸ Doch. № 12.1.

⁸⁹ Doch. № 12.10.

приведенного примера, опираясь на богословские учения о синергетике и божественном провидении. Ведь общественная активность монашества в данной ситуации проистекала из вполне «земных страстей» и складывалась на основе отнюдь не догматических поступков.

Столь же прагматична, согласно фрагментам актов 1313-1314 годов, передача некими безвестными землевладельцами Дохиарскому монастырю их выморочных участков и виноградников, которые принадлежали дарителям по праву «пронии»⁹⁰. Статус этой сделки определяла, однако, вовсе не изысканная риторика, характерная для преамбул императорских жалованных грамот, а вполне отвечавшие духу и букве византийской юриспруденции распоряжения держателей земли ограничить сроки действия достигнутого соглашения с помощью довольно безыскусной метафорической интерпретации продолжительности пронии: «покуда именно ... прония владеет»⁹¹. Иначе говоря, фискально-терминологический аспект «заботы» раскрывало скорее всего общее лексическое значение, положенное в основу слова, нежели специфическая значимость богословских или конфессиональных установок.

Равным образом условия пожертвования монастырю Пантократора сановным Иоанном и его супругой Анной Асаниной Контостефаной, которые в третьей четверти XIV в. утвердил патриарх Филофей, вряд ли отвечают терминологическому толкованию упоминаемой в акте «пронии»⁹². Значение этого понятия определяют вовсе не ясно выраженные в клаузуле документа гарантии собственности или предписание монахам отдавать ктиторах их обители половину доходов, получаемых от пожертвованных имений⁹³. Ведь патриаршая грамота сочетает требование проявлять «сильную пронию» и «всяческую заботу» или «попечение» о том, чтобы

⁹⁰ См.: Doch. № 13.

⁹¹ Doch. № 13.6-7; № 14.6.

⁹² См.: Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991. Texte (далее — Pant.). № 8.

⁹³ Pant. № 8.19-20, 21-23.

«улучшать» и «приумножать» пожертвованные имущества⁹⁴. Само по себе отсутствие равнозначных стилистических шаблонов в акте дарения той же супружеской пары, которая в 1374 г. передала монастырю Пантократора один из своих виноградников на абсолютно идентичных условиях раздела между дарителями и монахами получаемых доходов, лишь подчеркивает, что эта процедура никоим образом не служит основанием придавать упомянутой в патриаршем акте «пронии» институциональный характер⁹⁵.

Столь же показательна ссылка на «пронию» в соглашении с тем же монастырем Мануила Деблицина, на которое его подвигла примерно в 1381 г. не только забота о духовном благополучии своей семье, но и желание получить для нее средства жизни. Собственник принял решение передать свое наследственное имение в обитель на помин души своих родителей. Поэтому «прония» здесь рассматривается как нечто «хорошее и подобающее предварительно». Она поставлена в один ряд с изъявлением «заботы» вообще. Также и последующий призыв к «скромной предусмотрительности» на фоне конфессионально окрашенной риторики не наделяет «пронию» фискально-техническим значением⁹⁶.

Изучая природу «пронии», разумеется, нельзя обойти умолчанием и другой используемый для ее обозначения термин, находивший приложение в поздней Византии, который подразумевал «управление» условной земельной собственностью — «экономия»⁹⁷. И это хорошо известное всем специалистам понятие, прежде, чем оно было в конечном итоге воспринято в лоне христианской церкви и стало неотъемлемой частью ее идеологии, рождено в недрах

⁹⁴ Pant. № 8.17-18.

⁹⁵ Pant. № 9.

⁹⁶ Doch. № 48.10-12, 28-30.

⁹⁷ О взаимосвязи византийских социально-политических институтов «экономии» и «пронии» подробнее см.: The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1516-1517. Также см.: Baloglou Ch.P. Economic Thought in the Last Byzantine Period // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden; New York, Köln, 1998. P. 408 etc.

древнегреческой философии, и потому вопрос об «экономии» постоянно встает при обращении ученых к античным истокам и методам общественного управления⁹⁸. А главное – далеко отнюдь не каждое упоминание «экономии» в текстах средневековых византийских источников служило обозначением «пронии» в узкотерминологическом ее понимании. В особенности это справедливо в тех случаях, когда слово «экономия», выражаясь фигурально, звучит в устах церковных деятелей, поскольку они наделяли указанное понятие самым широким значением. Скажем, патриарх Нил в акте 1384 г. дважды прибегает к понятию «экономия»: один раз имея в виду форму «управления» «душами в монастыре», другой – рисуя образ сановника Иоанна, обремененного трудами, работами, потом, заботами об управлении («экономией») и телесным мужеством⁹⁹. Впрочем, ссылки на «пронию» в византийском праве и актах неисчислимы, и всякий раз это явление предстает там во всей своей многоликости.

Обращаясь к обозначениям «парикии», аналогичным образом нужно сказать, в частности, что ее толкования византийцами опирались отнюдь не на известную и принятую многими поколениями ученых библейскую традицию, возводившую понятие «парик» к обозначению «присельника», а его правовую природу. Конечно, оправданно отметить наделение понятий «парикия» и «парик» неким библейским смыслом этого слова, означавшим, собственно говоря, «присельничество» и соответственно – «присельника». На первый взгляд таковым был смысл, который вкладывал в понятия «парикия» и

⁹⁸ Относительно идейных истоков и социальной сущности учения об «экономии» подробнее см.: Lowry S.T. The Economic and Jurisprudential Ideas of the Ancient Greeks: Our Heritage from Hellenic Thought // *Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice...* P. 17-18 etc., 31 etc.; Baloglou Ch.P. Hellenistic Economic Thought // *Ibid.* P. 107-106 etc., 112-113 etc., 126 etc., 131-132, 133 etc., 139-140; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. The Greek Christian Fathers // *Ibid.* P. 170 etc.; Vivenza G. Roman Thought on Economics and Justice // *Ibid.* P. 326-327.

⁹⁹ См.: Pant. № 11.32-33, 39-40 etc.

производные от него словоупотребления, к примеру, в своих сочинениях Димитрий Хоматиан¹⁰⁰. Тем более, что указанные понятия архиепископ проецировал на объекты, подпадавшие под юрисдикцию церкви¹⁰¹. Однако именитый византиец обосновывал упоминаемые им «парикию» и «парическое право» ссылкой на Юстинианово законодательство¹⁰². Здесь надо отметить, что уже ранневизантийские правоведы сопоставляли понятие «парик» с латинским «пeregрином» («peregrinus», или, в средневековой форме, «peregrino» – соответственно ср.: итал. «странствующий»), то есть обозначением «пришельца» и «чужака»¹⁰³. В то же самое время устойчивая система правовых воззрений с недопускающей сомнений последовательностью побуждала раннесредневековых юристов отождествлять «парика» с переселенцем из одного населенного пункта в другой – «incola», как называли его римляне, или, согласно греческой транскрипции этого латинского слова, которую приводит византийский правовед (sic!)¹⁰⁴. Недаром «Василики» и их компиляции дают определение понятия «парик» в полном соответствии с позднеантичным и ранневизантийским законодательством, которое рассматривало «парика» как поселенца независимо от того, избирал ли он местожительством город или село¹⁰⁵. Кстати говоря, с этих позиций требует внимания и суждение

¹⁰⁰ См.: Demetrius Chomatianus, arhiep. Bulgariae. Varia tractata // *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata* / Ed. J. Pitra Baptista. Parisiis; Romae, 1891. Vol. VI (далее — Chom). № 80.344, 345; № 149.692. Также ср.: Ibid. № 50.228; № 52.236; № 72.317; № 100.425.

¹⁰¹ См.: Chom. № 80.344, 345.

¹⁰² О трактовании «парики» в традиции юстинианова законодательства подробнее см.: Zachariä von Lingenthal K.E. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*. Berlin, 1955. S. 260-261.

¹⁰³ См.: Burgmann L. *Das Lexikon...* // *Fontes Minores* (Далее — FM. Frankfurt a/M.). 1984. Bd. VI. S. 54 (P.15)

¹⁰⁴ См.: Burgmann L. *Das Lexikon ...* S. 271 (I.36).

¹⁰⁵ См.: В.А. II. 2. 230. 2. – D. L. 16. 239. 2. О понятии incola в позднеантичном и ранневизантийском законодательстве подробнее см.: Ермолова И.Е. *Incolae в Дигестах и Кодексе Юстиниана* // *Древнее право*. М., 1998. Вып. 1 (3). С. 102-106. Там же указана основная библиография.

А.П. Каждана, возводившего содержание понятия «парик» к римскому «колону»¹⁰⁶. Правда, это объяснение вряд ли отвечает не только строго конфессиональному пониманию сути «парикии», но и ее правовой природе. Ведь составитель одной из версий «Шестикнижия», следуя традиции юстиниановых Новелл и «Василик», в качестве прототипа обозначения «парика»-«присельника», владевшего жилищем «повсюду в полисе или в хорионе», воспроизводит транслитерированную рецепцию¹⁰⁷.

Еще большие возражения вызывает прямолинейное толкование содержания понятия «ипостась», природа которого отнюдь неоднозначна. Оно становилось объектом историко-филологического анализа неоднократно¹⁰⁸. Ощутимо своеобразие передачи смысла понятия греческого языка «ипостась» и его латинских эквивалентов. Их эволюция протекала под воздействием не только глубинных конфессиональных, но и философских мотиваций¹⁰⁹. Собственно говоря, богословско-христианская коннотация понятия «ипостась» своими корнями контаминирует с философскими воззрениями Античности и Раннего Средневековья, воплощенными в учениях о человеке и личности, душе и сущности¹¹⁰. В условиях латино-греческого двуязычия перед богословами вставали философско-онтологические проблемы, проистекавшие из особенностей передачи в греческом и латинском языках различных значений слов. Если последнему в латыни соответствовало понятие *substantia*, то для первого, как полагает Х. Мальтезу, следовало бы ожидать в качестве

¹⁰⁶ См.: Kazhdan A. Il Contadino // L' Uomo bizantino / A cura di G. Cavallo. Roma; Bari, 1992. P. 47-48.

¹⁰⁷ См.: Fögen M.T. Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // FM. Bd. VIII. S. 181 (Ж.55).

¹⁰⁸ Подробнее см.: Dörrie H. Wort- und Bedeutungsgeschichte // Nachrichten d. Akad. d. Wissensch. in Göttingen. Jh. 1955. Philolog.-Hist. Kl. Göttingen, 1955. S. 35-92; Diversitas Linguae; Степанов Ю.С. Константы... С. 230 и далее, 720 и далее. Там же указана основная библиография.

¹⁰⁹ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 198-199.

¹¹⁰ Степанов Ю.С. Константы... С. 722 и далее, 728-729; Он же. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004. С. 251.

эквивалента — *essentia*. На самом же деле в латинском языке для перевода слова использовалось также понятие *substantia*, а с целью различения трех ипостасей Бога прибегали к слову *persona*, к примеру: *una substantia tres personae*. Разумеется, подобные трактовки греческих прототипов в латинских текстах явно не могли быть приняты православной традицией¹¹¹.

Выказанная в ученых доктринах исторического прошлого богословская аура понятия «ипостась» никоим образом не снимает вопроса о заключаемых в этом слове альтернативах его значения в бытовом языке. Оно обнаруживало сугубую социальную мотивацию этого словоупотребления¹¹². Вероятно именно данный аспект языкового значения служил основанием для превращения понятия «ипостась» в термин, ассоциирующийся, согласно мнению К.В. Хвостовой, с представлениями византийцев о собственности¹¹³. Это суждение по существу принято составителем «Культуролого-экономического словаря», где «ипостась» отождествляется с крестьянской собственностью в Византии¹¹⁴.

Тем не менее, понятие «ипостась» в его социально-экономическом значении всегда сохраняло емкое содержание, указывавшее на имущества как таковые. Наверное, наиболее показательно в этом смысле завешание 1090 г. куропалата Симбатия Пакуриана¹¹⁵. Сначала он говорит о принадлежавшей ему «движимой ипостаси», которой определенным образом противопоставлена семантика обозначения «свершенной и неотъемлемой собственности»¹¹⁶. В то же время завешание Пакуриана, благодаря тому, что понятие «ипостась» воспоследует понятию «имущество»-«перусия», демонстрирует их

¹¹¹ *Diversitas Linguae...*

¹¹² Степанов Ю.С. Константы... С. 231.

¹¹³ Хвостова К.В. Социально-экономические процессы... С. 29, 84 и далее, 146.

¹¹⁴ Трофимова Р.П. Культуролого-экономический словарь. М.; Екатеринбург, 2003. С. 497.

¹¹⁵ См.: *Ivir*. II. № 44.

¹¹⁶ *Ivir*. II. № 44.6-7.

несомненную синонимичность¹¹⁷. Ту же самую черту восемью годами позже оттеняет и завещание вдовы куропалата – монахини Марии. Она подразделяет перешедшую к ней от покойного супруга «ипостась» на три разряда – движимую, недвижимую и «самодвижимую»¹¹⁸. К сожалению, отмеченные особенности духовных грамот Симбатия Пакуриана и его вдовы монахини Марии частично утронуты в их переводах на русский язык, которые прилагает к своей книге М.А. Морозов. Правда, перевод первого из завещаний сохраняет реминисценции термина «ипостась», который наделен значением «имущество»¹¹⁹. Весьма сходным образом позволяет характеризовать понятие «ипостась» и составленная почти в то же самое время запродажная собственников проастия (усадьбы) Исон (Врион) на морском побережье к юго-западу от Фессалоники. Продавцы проастия, супружеская чета, несомненно происходившая из рядов местной знати, неоднократно используют понятие «ипостась» для описания принадлежавших им имуществ. Наряду со стереотипными указаниями на листах документа проскальзывает уточнение о «всей иной и всяческого вида ... ипостаси». В конечном счете она ассоциируется с «имуществом»-«перусией»¹²⁰. Твердое подтверждение тому дает также грамота 1117 г., зафиксировавшая подробности обмена между Дохиарским монастырем и владельцем проастия Русеу, который уступал обители находившую в его руках долю недвижимости¹²¹. В этом документе аналогичная вышеприведенному уточнению формула обо «всей иной и всяческого вида...» соотнесена на этот раз не с понятием «ипостась», а служит прямым обозначением приписанной к проастию земли, которое сопровождает скрупулезный перечень ее различных категорий и других имуществ¹²². Что же касается собственно

¹¹⁷ Ivir. II. № 44.16, 22.

¹¹⁸ Ivir. II. № 47.67.

¹¹⁹ См.: Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005. С. 164-173.

¹²⁰ См.: Doch. № 3.4, 58, 63-64, 68.

¹²¹ См.: Doch. № 4.36, 51, 57.

¹²² См.: Doch. № 4.12-13, 19-21.

«ипостаси», то этот документ, как и завешание монахини Марии, говорит об ипостаси «движимой, недвижимой и самодвижимой», а кроме того, приведены дополнительные сведения об ее передаче в ипотеку и иных формах хозяйственного использования, то есть подразумевается – земли и имущества¹²³.

Спустя столетия столь же богатое социально-экономическое содержание понятия «ипостась» обнаруживает поздневизантийский исторический нарратив. В «Истории» Дуки оно выступает отнюдь не в качестве обозначения земельной недвижимости или «хозяйства» в специальном понимании этого слова, а для обобщающего указания на объекты личного владения трапезундского василевса, то есть его «движимое имущество». Историк наряду с различными атрибутами царственного обихода упомянул буквально о «всей иной движимой ипостаси»¹²⁴. Сходное осмысление понятия «ипостась» отнюдь нельзя назвать чем-то исключительным, поскольку оно вполне согласуется с его содержанием в предохранительных клаузулах ряда частных актов соглашений об отчуждении имуществ. Здесь, как и в хронологически предшествующих примерах, понятие «ипостась» используется в некоем синонимном ряду с понятием «перусия», то есть «имущество», образуя с ним устойчивое словосочетание¹²⁵. Иначе говоря, понятие «ипостась» в рассматриваемую эпоху, являясь термином, обладало, тем не менее, самым широким семантическим полем и внутренним социально-экономическим содержанием. Его необходимо иметь в виду в ходе обсуждения проблемы хозяйственных укладов Византии.

Итак, в поздневизантийскую эпоху рассматриваемое понятие меняет свое социально-экономическое содержание, обретая вполне очевидные терминологические свойства. Документы XIII – XIV вв. доказывают, что представители

¹²³ См.: Doch. № 4.30 etc., propr. 36-38.

¹²⁴ Ducae Istoria turco-bizantină (1341 – 1462) / Ed. crit. De V. Grecu. București, 1958. P. 429.25-28.

¹²⁵ Например, см.: Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I: Texte (Далее – Chil. I). № 22.63; № 31.53; № 32.48; Doch. № 42.81.

господствующего класса поздней Византии начинают рассматривать ипостаси зависимых крестьян как одну из форм зависимого держания. В официальных актах указанного периода появляются красноречивые упоминания о «парических ипостасях»¹²⁶. Аргументация, раскрывающая социально-экономическое значение рассматриваемого термина, безусловно может быть многократно умножена. В то же время прямое воплощение богословско-конфессиональных идей в византийской терминологии остается под большим вопросом.

В свою очередь оценка идейных посылок формирования категориального аппарата византийцев с указанных позиций без сомнения должна придавать намного большее значение структурной переработке античного наследия в средневековой теологии. Благодаря тому в недрах церковной доктрины была по-новому, как показывает М.К. Петров, переосмыслена концепция природы. От ее античного восприятия с признанием свойственного природе движения, изменения и перемен как противопоставления неподвижному и вечному бытию свершился переход к догматически упорядоченным представлениям, рисовавшим природу в виде сохраняющего определенность вещей бытийного континуума¹²⁷. На пути становления научного знания, именно в таком ракурсе ставит вопрос М.К. Петров, теология исполняла роль средостения между греческой философией и современной наукой. Выражением этого служила абсолютизация Библии с ее канонизированным текстом¹²⁸. Средневековая схоластика в лице Фомы Аквинского и Оккама блестяще использовала сформулированную Аристотелем оппозицию субъект-объектных отношений, которая благодаря эволюции их лингвистической природы демонстрирует роль языка в

¹²⁶ Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vindobonae (Далее – ММ.), 1871. Vol. 4, T. 1. P. 40; *Actes de Xénophon* / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte. № 3.17-18; *Doch*. № 15.4-5; *Actes de Lavra* / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3: Texte. № 139.98.

¹²⁷ Подробнее см.: Петров М.К. Язык... С. 252-258, 260.

¹²⁸ Подробнее см.: Там же. С. 224-239, 240.

становлении философской проблематики и ее категориального аппарата¹²⁹.

Как и в европейской социокультурной традиции в целом, в Византии одним из главных способов воплощения религиозной догматики являлось включение в тексты источников – начиная с хроник и исторических сочинений и кончая фискальными документами и трактатами – контекстов, содержащих подобающие описываемой ситуации церковные постулаты и суждения. Рассматривая в этом свете термин «прония», который бывал употребим в контекстах документов сугубо фискального характера, нельзя безальтернативно приравнивать к упоминаниям этого понятия в религиозно окрашенных преамбулах актов или их христологических клаузулах. Неоднозначность подобных словоупотреблений может прояснить системно-структурный анализ понятий в изучаемых контекстах. Впрочем, раскрыть систему общих имен в процессе эмпирических изысканий – задача, в значительной степени невыполнимая даже для самых искушенных исследователей¹³⁰. А ведь этот подход обеспечивает любого ученого надежными критериями правомерности производимых им обобщений относительно ментальных представлений человека прошлого.

Современное историческое социально-экономическое исследование неотъемлемо предполагает выявление как словесно выраженных в текстах изучаемых источников социокультурных концептов, так и опирающихся на них теоретических построений. Недаром И. Берлин, неоднократно касаясь в своих историософских эссе о природе исторического знания проблемы общих категорий и концептов, с одной стороны, утверждает, что «историк, конечно, не станет историком, если он не способен мыслить общими категориями; однако он нуждается в дополнительных, специальных способностях: он должен соединять, видеть качественные сходства и различия, чувствовать уникальность самых разных комбинаций,

¹²⁹ Подробнее см.: Петров М.К. Историко-философские исследования... С. 169 и далее, 181. Так же см.: Там же. С. 306-307 и далее, 342-344, 371 и далее.

¹³⁰ См.: Степанов Ю.С. Имена... С. 102.

которые, однако, не должны так отличаться друг от друга, чтобы пришлось предполагать разрыв в потоке человеческого опыта, и в то же время не быть настолько условными, чтобы казаться порождением теории, а не действительности»¹³¹. С другой стороны, мыслитель настаивает на том, что восстанавливать события прошлого надо не в «наших» терминах и категориях, а в терминах тех, кто жил тогда, когда происходили описываемые события, кто непосредственно воспринимал события прошлого и на кого они влияли. Для выполнения поставленной задачи в продолжение своих рассуждений И. Берлин рекомендует проецировать себя в прошлое, пытаясь понять концепты и категории, отличающиеся от тех, каковые использует сам исследователь¹³².

Этот подход нашел всемерное применение, например, в анализе экономических и юридических концептов, которое предлагают к рассмотрению авторы исследований древних и средневековых экономических идей и концептов социальной справедливости¹³³. Так, в качестве системообразующих факторов формирования общественных представлений специалисты выделяют лексические концепты, начиная с обозначений добра и зла, богатства и бедности, труда и собственности, в особенности указаний на коллективные ее формы с сопряженными с ними проблемами ренты, аренды, включая «издольщину», а также морально-этические идеи «общей пользы», «социальной справедливости» и «справедливой цены», противопоставленные «алчности» и другим морально-этическим нормам. Названные проблемы неоднократно поднимаются, скажем, в связи с анализом традиций Ветхого

¹³¹ Берлин И. Естественная ли наука история? // Он же. Философия свободы. М., 2001. С. 118-119 и далее; Он же. Понятие научной истории // Подлинная цель познания. М., 2002. С. 77-78.

¹³² Берлин И. Естественная ли наука история... С. 112; Он же. Понятие научной истории... С. 70-71.

¹³³ Здесь прежде всего имеются в виду авторы коллективного труда под редакцией С.Т. Лоури и Б. Гордон. См.: Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden, New York, Köln, 1998.

и Нового заветов, равно и других направлений, независимо от характера — религиозного и светского, общественной мысли исторического прошлого¹³⁴. К ее ведущим проблемам неизбежно относится также вопрос об общих принципах так называемой экономики. Он постоянно вставал при обращении ученых к античным истокам и методам общественного управления, которые в конечном итоге были восприняты в лоне христианской церкви и стали неотъемлемой частью ее идеологии¹³⁵.

Безусловно, идейная подоплека концептуальных представлений средневекового человека непосредственным образом отображалась на их содержании, даже кажущихся незыблемыми концептов свободы и рабства, которые в античности напрямую сопрягаются с характером труда и общественных обязанностей. При этом денежная форма возмещения трудовых затрат сама по себе не отменяла общественного восприятия труда как признака зависимости¹³⁶. И это обстоятельство усугубляется с переходом от античности к Средневековью, как показывает анализ греческих обозначений «рабства» и «рабов». Нужно признать — обоснованное объяснение значения подобного рода понятий невозможно без широкого их понимания, хотя изначально понятие выступает не чем иным, как именно

¹³⁴ Например, см.: Paris D. An Economic look at the Old Testament // *Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice...* P. 49 etc., 72-73, 85 etc., 96-98; Nitsch T.O. Social Justice: The New-Testament Perspective // *Ibid.* P. 148-150 etc.; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. The Greek Christian Fathers // *Ibid.* P. 183 etc., 195 etc., 199 etc.; Vivenza G. Roman Thought on Economics and Justice // *Ibid.* P. 276 etc., 289 etc., 294 etc., 307 etc., 316-317, 322-323 etc.; Firey A. «For I was hungry and You fed Me»: Social Justice ad Economic Thought in the Latin Patristic and Medieval Christian Traditions // *Ibid.* P. 333-370.

¹³⁵ Относительно идейных истоков и социальной сущности учения об «экономии» подробнее см.: Lowry S.T. The Economic and Jurisprudential Ideas of the Ancient Greeks: Our Heritage from Hellenic Thought // *Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice...* P. 17-18 etc., 31 etc.; Baloglou Ch.P. Hellenistic Economic Thought // *Ibid.* P. 107-106 etc., 112-113 etc., 126 etc., 131-132, 133 etc., 139-140; Karayiannis A.D., Drakopoulou-Dodd S. The Greek Christian Fathers... 170 etc.; Vivenza G. Roman Thought on Economics and Justice... P. 326-327.

¹³⁶ Vivenza G. Roman Thought on Economics and Justice... P. 296-297 etc.

обозначением «рабства», каковое действительно обнаруживается у Аристотеля¹³⁷. Этого значения не изменила и последовавшая универсализация концепта пифагорейцами¹³⁸. В свою очередь, как показал в свое время А.П. Каждан, в византийском обществе это понятие зачастую бывало наделено конфессионально окрашенной мотивацией. Она подразумевала, что христиане, заимствовав понятие «раб» из далеко ушедшего прошлого, признают себя «рабами божьими». Подобные словесные шаблоны стали выражением верности императору, признаком принадлежности к его ближайшему окружению и личной службы, которая идейно вызывала ассоциацию с представлениями о «добровольном рабстве»¹³⁹.

Здесь также было бы совершенно опрометчиво обойти молчанием и иные аспекты содержания понятия и его производных форм, связанные с несением государственной службы¹⁴⁰. При этом на памяти тотчас всплывают свидетельства жалованных грамот правителей Мореи в пользу Георгия Гемиста Плифона и его сыновей. Взамен делегированных доходов от дарованных сел («хорионов») потомкам знаменитого государственного деятеля и ученого предписано несение так называемой «службы»¹⁴¹. Аналогичным образом поводом для пожалования в середине XIV в. наследственных прав на находившуюся в распоряжении Георгия Кацара «пронию» стала успешная императорская «служба», которую, как предусматривалось,

¹³⁷ Подробнее см.: Baloglou Ch.P. *Hellenistic Economic Thought...* P. 114-115.

¹³⁸ Baloglou Ch.P. *Hellenistic Economic Thought...* P. 135-136, 140.

¹³⁹ Kazhdan A. P. *The Concepts of Freedom (eleutheria) and Slavery (duleia) in Byzantium // La notion de liberté au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident.* Paris, 1985. P. 219 etc.

¹⁴⁰ См.: Svoronos N. *Storia del Diritto e delle Istituzioni // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi.* Roma, 1982. P. 215-216, 219; Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453.* Philadelphia, 1992. P. 240.

¹⁴¹ См.: MM. 1887. Vol. V, T. 2. P. 173-174, 175-176, 226-227. Также см.: Ostrogorskij G. *Pour histoire de la féodalité byzantine.* Bruxelles, 1954. P. 183-186; Mavromatis L. *Storia del Pensiero politico // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi.* Roma, 1982. P. 105.

будут отправлять дети и другие наследники прониара¹⁴². В подобном же ключе П. Шрайнер объясняет сведения о «службе» в опубликованной им счетной книге Кассандрина, чьи владения в середине XIV в., когда она была предположительно составлена, находились на Халкидике. Дважды счетная книга касается осуществляемой «сообща» или «общей службы» неких архонтов, а наряду с ними безвестного Манкафа¹⁴³. Надо сказать – эти единственные известные нам указания на коллективно выполняемую «службу» сочетаются также с отсылкой в названной счетной книге на «службу десятины» и другими документальными свидетельствами о выполнении работниками их «служб» – имеются в виду формы глагола¹⁴⁴.

В то же время должно принимать во внимание, что само по себе значение большинства словоупотреблений отмеченной группы понятий превращает их в фискальную терминологию, опосредующую сведения о тягловых повинностях поздневизантийских крестьян¹⁴⁵. Именно этот аспект значения указанного понятия делает возможным преодоление трудностей в постижении смысла византийских источников¹⁴⁶. Так, несомненный пример тому являет договор XIII – XIV вв. южноитальянского происхождения, написанный на странице рукописи литургического содержания. Согласно документу, Николай Мазалис в присутствии свидетелей подражается провести на протяжении августа месяца посевные работы на земле монастыря. Обязательство работника выражено посредством понятия (*sic!*) и соответствующих глагольных словоформ, которые побудили одну из современных византинисток

¹⁴² См.: Doch. № 27.1-3 etc., 19-23, 29-33.

¹⁴³ Schreiner P. Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, 1991 (далее — TSFW). № 3. 133, 134. См.: Ibid. S. 96, 105-106.

¹⁴⁴ TSFW. № 3. 54.

¹⁴⁵ Cp.: Kazhdan A. P. The Concepts... P. 218.

¹⁴⁶ См.: Weiss G. Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIV Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 6-12 Septembre 1971. Bucuresti, 1975. Vol. II. S. 294-295.

предполагать, что речь идет о «любом виде работы»¹⁴⁷. Конечно же, подобные договоры заключались отнюдь не на основе «свободного» найма, а предполагали эксплуатацию фактически бесправного крестьянина. Словом, без всякого сомнения, подлинный характер описываемых в том или ином документе «служб» раскрывается только с учетом всех условий и обстоятельств использования анализируемых понятий.

В свою очередь столь же чревато грубым искажением действительности однозначное восприятие «свободы». И суть дела кроется не в многообразных философских или историософских толкованиях этого понятия, которые даже немислимо «соединить воедино». Разумеется, при этом приходится иметь в виду концепции «негативной» и «позитивной» свободы, сначала столь ярко выраженные в творчестве И. Берлина, а потом подхваченные, как известно, в трудах медиевистов и историков других направлений¹⁴⁸. Это, тем не менее, не воспрепятствовало тому, чтобы в последние десятилетия среди специалистов явно возобладала точка зрения, в соответствии с которой в византийском обществе, якобы из-за развитой системы налогообложения, «свобода» ассоциировалась исключительно с освобождением от взимания податей¹⁴⁹. Наверное, наиболее наглядным, хотя и не вполне адекватным доводом в пользу изложенной концепции можно было бы считать указ Алексея I Комнина, согласно которому он, якобы провозглашая Афон «свободным», одновременно указал на отмену налогообложения и взыскания с монахов

¹⁴⁷ TSFW. Append. VIII. 1. S. 466. См.: Saradi-Guelph H. Evidence of Barter Economy in the Documents of Private Transactions // BZ. 1995. Bd. 88, Hft. 2. S. 415.

¹⁴⁸ Подробнее см.: Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы... С. 122-185; Он же. «Не ведайте ни страха, ни надежды» // Подлинная цель познания... С. 124-161.

¹⁴⁹ См.: Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985. P. 59; Kazhdan A.P. The Concepts... P. 215-218 etc.; Kaplan M. Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992. P. 265.

поборов¹⁵⁰. Тем же путем следовали и южнославянские преемники византийских государей, о чем напрямую свидетельствует составленный, возможно, в 1348 г. на греческом языке указ Стефана Душана. Он, принимая во внимание копию его распоряжения, провозгласил «свободу и недокучаемость» афонских монастырей, для которых отныне побор хлебом «ради мытной пошлины» был полностью отменен, дословно говоря — упразднялось «всякое обложение»¹⁵¹. Практически полная аналогия пониманию «свободы» византийцами может быть проведена и в содержании понятия «swoboda» славянских жалованных грамот и других актов. Это подтверждает, к примеру, акт Стефана Дечанского по иску Хиландарского монастыря о посягательствах его сербских соседей на монастырские владения в селе Косоричи. Вынося решение в пользу афонского монастыря, сербский правитель, явно подражая византийским хрисовулам, оглашает «слово моего королевства во все утверждение и свободу» Хиландаря¹⁵². Сочетание в этом высказывании понятий «утверждение», то есть «установление» и «основание» в смысле «укрепления» монастыря в его правах собственности, и «свобода», которая не исключала, конечно, указания на податные привилегии, в данном контексте одновременно предполагало, судя по всему, средства реализации властных полномочий собственника. В пользу такого понимания «свободы» косвенно говорят и дальнейшие слова этого судебного постановления, которые выражают идею господства «в земле Отечества» верховной власти¹⁵³.

Безусловно, тема «свободы» в византийском праве и актах, как и их славянских рецепциях могла бы быть

¹⁵⁰ См.: Actes de Prôtaton. Texte / Éd. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Append. I.a).1-2.

¹⁵¹ См.: Actes de Kutlumus / Nouv. ed. par P. Lemerle. Texte. Paris, 1988. Append. II. A.3-5 etc. О «пориатиконе» см.: Соловьев А., Мошин В. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936. С. 483.

¹⁵² См.: Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korablev. Deuxième Partie: Actes Slaves / Publ. par B. Korablev // Византийский временник. СПб., 1915. Т. XIX. Приложение I (далее — Хил.) № 23.53-54 и далее.

¹⁵³ См.: Хил. № 23.56-57 и далее.

продолжена рассмотрением десятков и даже сотен других примеров. Но прежде, ставя во главу угла, таким образом, неразрывную взаимосвязь понятийно-терминологического аппарата исторических источников с языковым субстратом и лексико-семантической системой, хотелось бы обратить внимание на наблюдения известной медиевистики С. Рейнолдс. Она полагает, что правовые концепты существуют только внутри соответствующих правовых систем. Со ссылкой на примеры концептов «правовой корпорации» и «правовой личности» специалистка выражает уверенность в том, что они могут существовать только в пределах той правовой системы, в каковой индивид или корпоративная группа действовали, а некорпоративная группа заданному правовому казусу отвечать не могла¹⁵⁴. В то же время отмечена одержимость некоторых историков, представлявших различные школы по изучению римского права, в определении юридических значений его лексики, тогда как вне права соответствующие «значения» и «концепты» обладают большей широтой и разнообразием, нежели могут предложить юридические тексты и документы¹⁵⁵. В их же отношении, по словам С. Рейнолдс, поиск «точного вокабуляра» ведет к неудаче, поскольку лексика права и делопроизводства в зависимости от ее контекстного употребления бывала наделена различным смыслом, а связь между словами, «концептами» и социальными представлениями слишком сложна и разнообразна, чтобы ее отображала «твердая терминология»¹⁵⁶.

С этой точки зрения крайне важно уделить особое внимание задаче уяснения соотношения «значения» и «смысла», обретаемых историками в изучаемых ими памятниках. Этот вопрос постоянно возникает перед самыми видными философами и представителями историософии. Как

¹⁵⁴ Reynolds S. *Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300*. Oxford, 1984. P. 60 etc.

¹⁵⁵ Reynolds S. *Kingdoms and Communities...* P. 65.

¹⁵⁶ См.: Reynolds S. *Kingdoms and Communities...* P. 104.

поясняет Л.А. Микешина, имея в виду взгляды Р. Арона¹⁵⁷, с помощью «значения» жизнь можно понимать только в последовательности ее состояний, поскольку между различными формами реальности – физической и психической – существует «мир смысла». Категория значения, что Л.А. Микешина подчеркивает в своем комментарии, позволяет достигать синтеза цели и ценностей, столь необходимого историку для целостного видения общественных процессов прошлого¹⁵⁸. В свою очередь, наш язык, разъясняет И. Берлин, освещая особенности понимания, передает сравнительно стабильные данные и свойства, которые составляют нашу жизнь и помогают нам общаться. В то же время затруднения возникают в описании как слишком неизменного, неотделимого от человеческой сущности, так и слишком быстротечных и эфемерных свойств, которые образуют «уникальный смысл каждой ситуации, каждого мгновения истории, сообщают этому мгновению его неповторимость...». И наши науки, подчеркивает мыслитель, обращены к раскрытию уникальных отличий, которые историки описывают в стремлении к воссозданию яркой и подробной картины жизни на обыденном уровне «здорового смысла», исполненного человеческих отношений¹⁵⁹. Историософский подход без всякого сомнения должен быть дополнен концептуальными построениями современного языкознания и смежных отраслей знаний¹⁶⁰. Одно из них отсылает к

¹⁵⁷ См.: Арон Р. Критическая философия истории: Эссе о немецкой теории истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.

¹⁵⁸ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002. С. 214. О понимании специалистами-гуманитариями «ценностей» как значимости предметов и явлений действительности подробнее см.: Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 13 и далее. Также см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 166-167 и далее.

¹⁵⁹ Берлин И. Чувство реальности // Философия свободы... С. 51-52 и далее.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Бондарко А.В. Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

представлениям «наивной семиотики»¹⁶¹. В целом же, с более широких позиций, языкознание исходит из того, что «значение» и «смысл» представляют собой две стороны содержания языковых выражений¹⁶². В «значении» усматривается устойчиво закрепленное «за знаком» содержание. В свою очередь «смысл» воспринимается как нечто изменчивое и нерегламентированное при полном отсутствии «заданности» связи между знаком и некоторой информацией¹⁶³.

Впрочем, современная грамматика наделяет «смысл» внутренней дифференциацией. А.В. Бондарко различает в указанном понятии два аспекта: системно-категориальный и «речевой». Первый из них ориентирован на семантические категории, второй – предполагает имплицированный субъективизм высказывания¹⁶⁴. Более того, коллега названного ученого делает вывод о том, что значение слова должно представляться в виде структуры, состоящей из элементов смысла и связывающих их синтаксических отношений¹⁶⁵. При этом значение составляет содержательную сторону определенных лексических единиц, тогда как смысл может быть передан не только различными языковыми единицами, но и неязыковыми средствами. Для специалистов несомненна прямая соотнесенность значения с лексической единицей в рамках включающей ее языковой системы. Из этого проистекает отсутствие универсальности языкового значения. Значения схожих лексических единиц разных языковых систем могут не совпадать как по своей содержательной характеристике, так и по своему объему и месту в системе. Что же касается смысла, то он, обладая ситуативной обусловленностью, не зависит от различий

С. 120 и далее. Здесь же обобщаются типичные теоретические суждения о соотношении «значения» и «смысла»: Там же. С. 138-139.

¹⁶¹ Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Дружинина. М., 1991. С. 183-186.

¹⁶² Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 8-9 и далее.

¹⁶³ Там же. С. 13.

¹⁶⁴ Бондарко А.В. Теория значений... С. 103.

¹⁶⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 119.

между языками. По своей природе смысл выступает универсальным выражением инвариантного содержания человеческой деятельности. Он не тождественен содержанию значений сочетания или совокупности лексических единиц, используемых для передачи данного смысла¹⁶⁶.

Из нескончаемого ряда аргументов, которые могут быть приведены для обоснования изложенной мысли, наверное, достаточно сослаться на яркий образчик так называемых «Книг законных». Оставляя в стороне вопрос о происхождении названной рецепции, хотелось выделить одну из ее статей, содержащую предписание истцу составлять свое «оправдание». Эта статья, будучи вместе с другими заимствована из традиции византийского «Прохирона», наделяет смыслом «оправдания» юридическую процедуру, обозначенную славянским компилятором как (PN.27.31 – Кн. Зак. IV.24). И если в старославянском языке это понятие, то есть изъяснение мотива, оправдывающего иск, не обладало, пожалуй, столь широкой семантикой, как греческий прототип, то «Прохирон», подразумевая под «оправданием» форму судебной защиты истцом собственных интересов, отображал всю глубину византийской юридической мысли, которая тем самым указывала на «судебное красноречие».

Оценивая научные основания проблемы соотношения «значения» и «смысла» со всех сторон, нельзя обойти молчанием также ее ключевой роли в становлении современной психологии. Ведь «в психологическом аспекте», как говорит А. А. Беляев, «значение» выступает как система констант речевой деятельности, обуславливающих ее постоянство в отношении к тому или иному классу предметов и явлений действительности¹⁶⁷. Поэтому у психологов и тяготеющих к ним лингвистов, согласно разъяснениям М.В. Никитина, «значение» толкуется как стабильная, постоянная часть содержания знаков, общая у говорящих в однородном языковом

¹⁶⁶ Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 34-35.

¹⁶⁷ Леонтьев А. А. Психология общения... С. 105.

коллективе. Благодаря тому не просто обеспечивается понимание в актах речевой коммуникации. «Значение» становится категорией языка, общим достоянием всех на нем говорящих. Напротив, «смысл» объявляется категорией личностной, достоянием индивида. «Смысл» языковых единиц подвижен и изменчив в их передаче от человека к человеку, из текста в текст. Именно на «смысл» возлагается ответственность за различия в понимании одних и тех же языковых единиц языка и их сочетаний в тексте разными людьми, за различия возникающих у людей представлений, ассоциаций и оценок. «Смысл» тем самым образуют напластования на «значение», обусловленные особенностями индивидуального опыта и психики¹⁶⁸. К подобному решению рассматриваемой проблемы склонны и наиболее видные представители этнической психологии¹⁶⁹. Высказанные ими идеи о дифференциации «значения» и «смысла» как объектов человеческого сознания позволяют усматривать в том аккумуляцию опыта коллективной деятельности. «Значение» объекта психической деятельности является выражением его объективных свойств и связей, а «смысл» – субъективного эмоционально-оценочного отношения к ним¹⁷⁰. С этой точки зрения присущий этническому самосознанию принцип культурно-семиотического опосредования предстает в виде системы осознанных представлений, то есть «значений», и оценок, иначе говоря – «смыслов», реально существующих объектов этнокультурного мира во взаимодействии составляющих их явлений и событий¹⁷¹.

С изложенных научных позиций следует, видимо, воспринимать и выдвинутую Б.М. Гаспаровым концепцию языкового существования. Оправдывая свои ученые построения, он выказал убеждение в том, что языковое значение является функцией языковой памяти, а смысл – или, по объяснению этого лингвиста, значение – любого

¹⁶⁸ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики... С. 109-110.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. М., 2000. С. 48 и далее.

¹⁷⁰ Там же. С. 52.

¹⁷¹ Там же. С. 54-55.

языкового выражения заключается в той мысли и понимании, которое с ним связано, как продукта духовной деятельности¹⁷². Развивая свою концепцию, в конечном итоге языковед приходит к выводу о непосредственной обусловленности понимания и осмысления текста с процессом мышления¹⁷³. Сделанный вывод, однако, не исчерпывает проблемы соотношения «значения» и «смысла» во всей ее глубине, требуя дополнительных разъяснений.

Прежде всего требуется принять во внимание один из основных принципов иерархической организации языка, в соответствии с которым значение его единицы высшего уровня не является простой суммой значений языковых единиц низшего уровня¹⁷⁴. Иначе говоря, значение языковой единицы более высокого уровня не сводится к простой сумме значений составляющих ее единиц более низкого уровня. Так, содержание текста нельзя отождествить с совокупностью значений входящих в него высказываний-предложений. Его значение, в свою очередь, отнюдь не равно совокупности значений составляющих предложение слов и синтаксических отношений между ними¹⁷⁵. При этом различают синтаксический и прагматический слои значения языкового выражения или его синтаксическое и прагматическое значение. Первое из них содержит информацию об отношениях между данным выражением и другими языковыми выражениями в составе текста¹⁷⁶. Прагматическое значение языкового выражения содержит информацию об условиях его употребления и многообразных аспектах коммуникативной ситуации¹⁷⁷.

Аналогичные суждения могут быть выдвинуты и в отношении «смысла» высказывания. Прежде всего имеются в виду существенные для него элементы информации, заключенной в более широком тексте. Они представляют

¹⁷² Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 260.

¹⁷³ Гаспаров Б.М. Язык... С. 343.

¹⁷⁴ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты... С. 94.

¹⁷⁵ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 52.

¹⁷⁶ Там же. С. 62.

¹⁷⁷ Там же. С. 60 и далее.

собой по отношению к данному высказыванию контекстуальную информацию, на которой основывается смысл контекста. В свою очередь, существенная для речевого смысла информация, проистекающая из ситуации речи, образует «ситуативную», как ее называет А.В. Бондарко, информацию. Разграничение названных видов информации, однако, не исключает их взаимных преобразований, важных для передачи смысла высказывания¹⁷⁸.

В то же время смысл предстает не как нечто единое, а как достаточно разные явления в зависимости от уровня языковых единиц, применительно к которым он рассматривается. Так, смысл слова – отнюдь не то же самое, что смысл предложения, где понятие «смысл» лингвистика связывает преимущественно с предикацией. Здесь смысл выдвигается в качестве оппозиции к языковым и коммуникативным аспектам высказываний. И эта тенденция усиливается при переходе к тексту. Его «смысл» отличен от «смысла» составляющих предложений. Для лингвистики, сосредотачивающей свое основное внимание на формальных средствах связи предложений в тексте и выделении целостных фрагментов, «смысл» приобретает вспомогательную роль. Он отождествляется с той информацией, которая сообщается в таких целостных образованиях, и с содержащимся в них знанием¹⁷⁹. При этом современная наука в своем стремлении избежать неоднозначности термина «предложение» считает необходимым дифференцировать его содержание и собственно «предложением» называть единицу языка, тогда как соответствующую ей единицу речи — «высказыванием». В таком случае содержание «предложения» опосредует «значение», а содержание «высказывания» — «смысл». Первое из них характеризуется информацией, которую носитель языка извлекает благодаря своим лингвистическим познаниям, то есть значениями слов и синтаксических конструкций. Содержание же «высказывания» раскрывает

¹⁷⁸ Бондарко А.В. Теория значений... С. 104 и далее.

¹⁷⁹ Новиков А.И. Смысл... С. 35.

информация, переданная не только языковыми средствами, но и знаниями о мире, ситуацией общения и прочими не собственно лингвистическими знаниями¹⁸⁰. В целом, любая попытка выразить смысл эксплицитно наталкивается на необходимость дифференцированного его представления. Смысл слова оказывается его актуальным значением, смысл предложения усматривается в знании, ситуации или концепте, тогда как смысл целого текста – в целостном восприятии действительности. Говоря иначе, «смысл» существует как некая ментальная форма, отражающая информационную структуру слова, предложения или текста в виде концептуальной системы или модели. Но ее знание – не является самим «смыслом». Поэтому в когнитивистике проблема «смысла» отступает на задний план, будучи ассоциирована не со знанием, а когнитивной деятельностью. Все это побуждает предполагать, что природа смысла, по всей вероятности, кроется в явлениях сугубо отличных от существа значения, понятия, концепта, знания и других репрезентаций действительности. Это два параллельных ряда, которые в отдельных своих звеньях могут пересекаться, но никогда не сливаются полностью. И если концептуальная или понятийная система отображает действительность опосредованно, то «смысл», отображая конкретные объекты и ситуации, имеет к ней непосредственное отношение¹⁸¹.

Сказанное в большой мере объясняет, почему в гуманитарных науках и, прежде всего истории, фундаментальным методом работы с текстом служит интерпретация. Прежде всего следует иметь ввиду вклад в решение проблем языкового понимания и значения философской герменевтической традиции¹⁸². Впрочем, Г.Г. Шпет утверждал, что между «философской», с одной

¹⁸⁰ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика... С. 199-200.

¹⁸¹ Новиков А.И. Смысл... С. 36-37.

¹⁸² Неоднократно обращается к освещению роли философской герменевтики в теории познания Л.А. Микешина, в труде которой одна из наиболее ярких глав рассказывает о соотношении философии познания и языка. Подробнее см.: Микешина Л.А. Философия познания... С. 477-526.

стороны, и, с другой, – «филологической и исторической герменевтикой» нет существенного различия. Это позволяло ученому подчеркивать принципиальную роль герменевтики для исторической науки и одновременно ставить вопрос о герменевтике как проблеме логики и методологии гуманитарного исследования¹⁸³. Почти одновременно А. С. Лаппо-Данилевский, разрабатывая во многом самобытное учение об исторической интерпретации источников, ее «основным правилом» называет «правило контекста», согласно которому никоим образом недопустимо вырывать отдельные положения из текста изучаемого источника. Если речь шла о какой-либо клаузуле частного акта, оценивать ее ученый предлагает «через посредство остальных», то есть путем сопоставления различных документов¹⁸⁴. Историческая наука, надо сказать, издавна обратилась к герменевтике, рассматривая толкование текста как ключевой элемент системы культуры¹⁸⁵. Здесь необходимо принять во внимание, что современная методология социально-гуманитарного и исторического знания все в большей степени опирается на герменевтику с присущими ей принципами объяснения и понимания¹⁸⁶. Возникающая таким образом герменевтическая традиция делается в особенности актуальной, обуславливая создание теоретических оснований подъема когнитивных наук и создания искусственного интеллекта¹⁸⁷. В своих подходах к тому философская герменевтика исходит из необходимости выбора методов исследования естественного языка, соединяющих достижения как естественных, так и социальных наук¹⁸⁸. Главным позитивным результатом использования когнитивных аспектов герменевтики в данном

¹⁸³ Шпет Г.Г. История как проблема логики... С. 742-743, 1080 и далее.

¹⁸⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории... С. 388-389.

¹⁸⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 287-288; Они же. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 230-231.

¹⁸⁶ Микешина Л.А. Философия познания... С. 416-417.

¹⁸⁷ Там же. С. 323-324 и далее.

¹⁸⁸ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. С. 211-213 и далее.

плане становятся методы, способы и критерии, которые открывают возможность понимания естественных языков с учетом представления знаний социального мира¹⁸⁹. В частности, к востребованным со стороны специалистов приемам анализа естественного языка герменевтика относит признание роли контекста как обязательного критерия значения высказываний¹⁹⁰.

В этой связи необходимо пояснить, что разным культурам свойственны заметные различия в использовании средств коммуникации, закрепляющей в межличностном общении нормы социокода¹⁹¹. Так называемые низкоконтекстные культуры уделяют большое внимание содержанию речевых сообщений. Для них характерен когнитивный стиль обмена информацией, точность использования понятий и логичность высказываний. В высококонтекстных культурах передача информации происходит с учетом контекста сообщений, предполагающего особое внимание к форме и способу изложения мысли. Высококонтекстным культурам присущи расплывчатость и неконкретность речи, обилие некатегоричных форм высказываний и высокая дифференциация эмоциональных категорий¹⁹². Очевидно именно в высококонтекстной культуре текст, будь то в форме дискурса или целостной функциональной структуры, открыт для множества смыслов, раскрываемых в системе социальных коммуникаций. Для историка текст предстает в единстве явных и неявных значений, которые наполняют изучаемый текст буквальным или, напротив, скрытым смыслом¹⁹³. С позиций исторической семасиологии построение модели «смысл – текст» опирается на представление о возможности выявления некоторого смысла, который остается инвариантным при всех трансформациях

¹⁸⁹ Там же. С. 221.

¹⁹⁰ Там же. С. 215-216.

¹⁹¹ Петров М.К. Язык... С. 40-41.

¹⁹² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 167-169 и далее.

¹⁹³ См.: Микешина Л.А. Философия познания... С. 334 и далее. О современных определениях понятия «дискурс» и его проблематике подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 270 и далее.

текста. Этот смысл рассматривается как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте¹⁹⁴.

На описанной основе выстраиваются прежде всего лингвистические системы претендующие на статус интегральных моделей языка. Опуская их прикладное предназначение, хотелось выделить ту сторону лингвистической модели «смысл – текст», что предлагал И.А. Мельчук и его сподвижники, поскольку они предусматривали внедрение структурного аксиоматического подхода к языку¹⁹⁵. Вместе с тем ведущие лингвисты, которые подходят к этому вопросу совершенно с иной стороны, разграничивают природу «значения» и «смысла» как собственно языкового и внеязыкового явлений. Например Л.А. Новиков, по данному поводу в частности, ограничился краткой характеристикой соотношения лексической единицы с предметом объективной действительности, подчеркивая исключительно тот аспект, что последняя влияет на актуализацию значения лексической единицы¹⁹⁶. В то же время выдающийся ученый со всей убедительностью показал, что определить значение тех или иных единиц знаковой или семиотической системы, в том числе языка, — это установить регулярные соответствия между соотнесенными с данной единицей «сегментами» текста и смысла, сформулировать правила и раскрыть закономерности перехода от текста к его смыслу и от смысла к выражающему его тексту. При этом необходимо иметь в виду, что подобные связи не просто являются специфическими для каждого языка. Они отображают многовековую практику и особенности культурно-исторического развития народов¹⁹⁷.

¹⁹⁴ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 12-13 и далее.

¹⁹⁵ О вкладе И.А. Мельчука в развитие лингвистики и названной концепции подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 38-39 и далее; 75 и далее.

¹⁹⁶ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 467.

¹⁹⁷ Там же. Т. 1. С. 346. Подробнее характеристику лексического значения в его связи с основными лексическими единицами языка см.: Там же. С. 441-471.

Само по себе наличие серьезных структурных различий в типологии языков теоретически обуславливает сопряженность этого явления не только с проблемой языковой относительности, но и межязыкового перевода. Восходящее к гипотезе Аристотеля о соотношении предложений со смыслом допущение о его фрагментации не отменяет подобия и единства смысла, реального мира и форм деятельности, что делает возможным феномен перевода. Правда, ограничение возможностей человеческого восприятия вовсе не обязательно диктует однозначность способов и правил отмеченной смысловой фрагментации¹⁹⁸. Более того, асимметричное однозначно-многозначное отношение между смыслом и формами его выражения создает неустранимую альтернативность на уровне предложения, за которой стоит флективность древнегреческого языка. Для достижения его однозначности требуется осознанное вмешательство, опирающееся на структурные особенности этого языка¹⁹⁹. Именно потому должно быть отмечено особо отсутствие универсализма синтаксических отношений в разных языках, которые допускают различные способы организации эмпирических данных языковых явлений²⁰⁰. В этом плане греко-латинская грамматическая традиция особо выделяет те элементы синтаксиса членов предложения, которые составляют, скажем, абсолютные причастные обороты, обороты винительного и именительного падежей с инфинитивом и причастием, а также так называемые описательные спряжения. Подобные сложные синтаксические конструкции, отображая модальность высказываний, получили заметное развитие в древних языках²⁰¹. Обращаясь к ним, исследователь получает возможность улавливать в грамматическом строе фразы как сугубо «средневековое», узкое — определенное группой сказуемого, так и современное, то есть расширительное понимании

¹⁹⁸ Подробнее см.: Петров М.К. Язык... С. 62-63.

¹⁹⁹ Петров М.К. Язык... С. 219-220 и далее.

²⁰⁰ Подробнее см.: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка... С.114-115.

²⁰¹ Подробнее см.: Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 536 и далее.

модальности, распространяемой на семантику всего предложения, включая входящие в него синтагматические словосочетания²⁰². Как известно, в основе сложных инфинитивных и причастных конструкций лежат простейшие синтаксические «ядерные структуры», которые, встречаясь в различных языках, обладают отчетливо различимым «элементарным» значением²⁰³. Поэтому реконструкция сложных понятий действительно требует учитывать синтаксические правила построения предложения, позволяющие раскрыть присущие тому логических связи и выявить значение отдельных их компонентов.

В представленном свете одной из первых задач, которая встает в системе языка и обладает несомненной актуальностью для информационного анализа, является предваряющая его фиксация отношений эквивалентности равнозначных высказываний в различных языках. В этой связи уместно обратить внимание на пояснения Р.О. Якобсона по поводу утверждений Ч. Пирса об интерпретации понятий посредством эквивалентных выражений. Они являются как раз тем, что лингвисты называют «значением» и что соответствует семиотическому определению значения символа путем его «перевода в другие символы». Тем самым значение определяется в терминах собственно лингвистических разграничений и отождествлений, которые всегда осуществляются с учетом их семантической функции – так называемых уравнивающих пропозиций²⁰⁴. Они подразумевают употребление каждого языкового элемента в свойственной только ему позиции. Таким образом отличные друг от друга языковые формы оказываются эквивалентны, принадлежа на абстрактном уровне к одному инварианту²⁰⁵. В первую очередь это

²⁰² Язык и антропологические сущности / Под ред. Г.П.Немца. Краснодар, 1997. С. 224-225 и далее.

²⁰³ Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. С. 38-39.

²⁰⁴ Якобсон Р.О. Избранные работы... С. 236.

²⁰⁵ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 60. О содержании понятия «инвариант» как предмете лингвистического анализа подробнее см.:

касается грамматических изменений наиболее конкретной единицы языка, как в свое время определял «слово» А.А. Реформатский²⁰⁶. Само собой разумеется, речь должна идти об элементарных лексических единицах — «словоформам» и «лексемах». Языкознание предлагает различные подходы к их определению²⁰⁷. Так, А.А. Зализняк называет «словоформой» двустороннюю единицу текста, обладающую и выражением, и содержанием. А под «лексемой» ученый подразумевает двустороннюю внетекстовую единицу языка, которая рассматривается как результат отождествления всех абстрактных словоформ, имеющих одно и то же номинативное значение²⁰⁸. Достаточно распространенными примерами лексем служат случаи употребления существительных и прилагательных во множественном числе среднего рода, равно субстантивации прилагательных и других частей речи. Как известно, названные грамматические формы зачастую принципиально видоизменяют или придают слову совершенно новое значение. Допустим, множественное число слова среднего рода «*bonum*» (благо, добро) — «*bona*» обретает спецификацию понятия «имущество», «благосостояние» и так далее. В этом своем значении лексема «*bona*» совершенно отлична от формы единственного числа слова «*bonum*», хотя и занимает неотъемлемое место в составе его ключевого поля, сформированного на одном уровне с прочими словоформами. С этой точки зрения показательна интерпретация понятия «*bona*» средневековым византийским правоведом, составителем одного из юридических лексиконов. Приводя в нем коллиции и транслитерации правовой лексики, толкователь раскрывает содержание указанного понятия с помощью синонимичных греческих

Бондарко А.В. Теория значений... С. 159 и далее; Вендина Т.И. Введение в языкознание... С. 137-138.

²⁰⁶ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 2001. С.

²⁰⁷ Например, см.: Новиков А.Л. Избранные труды... Т. 1. С. 471 и далее.

²⁰⁸ Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 20-21, 27.

обозначений «добра» и «имущества»²⁰⁹. Аналогичным образом в ряду грамматических форм понятия («право») выделяется особо его множественное число в качестве лексемы. В византийском праве и актах она обладает сугубым юридическим значением, служа указанием на юридические права в отношении объектов владения²¹⁰. Это значение, восходящее к латинскому прототипу «iuga», то есть «правà» вполне адекватно передает средневековый славянский эквивалент указанного греческого термина – «правины»²¹¹. Соответственно в поле зрения его исследователя попадают и все сочетания названной лексики с прилагательными, причастиями и зависимыми служебными словами. Данный пример показывает, что выделение лексем с инвариантными значениями облегчает концептуальное осмысление фактической социальной информации источника. При этом объектом анализа оказываются не только имена существительные, но практически все прочие части речи и, соответственно, члены предложения, выраженные именами существительными, прилагательными, причастиями, глаголами, наречиями и так далее.

Столь же разительны примеры инвариантов аутентичных понятий и терминов, возникающих вследствие заимствования из других языков ненормативной лексики. Подобная ситуация, скажем, наблюдается в византийском праве эпохи его формирования. Тогда главным фактором понятийно-терминологических рецепций являлась так называемая экзэллинизация, то есть установка на выражение латинских юридических понятий и терминов средствами греческого языка. По мере того, как выполненные на латинском языке законодательные кодификации

²⁰⁹ Burgmann L. Das Lexikon ... S. 300 (V.22).

²¹⁰ Вин Ю.Я. К вопросу о социально-экономическом содержании термина «ТА АΙΚΑΤΑ» византийских документов: основные направления исследования // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. М., 1994. С. 34-36.

²¹¹ Подробнее см.: Зигель Ф. Ф. Законник Стефана Душана. СПб., 1872. Вып. 1. С. 197-198 и далее; Ильинский Г. А. Грамоты болгарских царей // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. С. 115-116.

ранневизантийского периода делались все менее доступными для понимания большинства не только населения, но и представителей судебной власти, средневековое византийское право облекалось в грекоязычную форму. Однако передача в греческом языке специальной терминологии вызывала затруднения даже у опытных правоведов. В ранней Византии с целью облегчения пользования громоздким и полным противоречий, а потому зачастую сверх меры сложным и путаным для греческого и эллинизированного в своей массе населения латинским законодательством, формально разрешались подстрочные переводы терминов с латинского языка на греческий, составление индексов – собственно говоря, переводов текстов на греческий язык – и составление так называемых паратитлов – сопоставлений титулов Дигест с другими законами, касающимися тех же вопросов²¹². Несмотря на многочисленные интерполяции, сокращения, дополнения и подновления, вновь составляемые юридические тексты на греческом языке – суть главные результаты аналитической юриспруденции в самом непосредственном их виде — изобиловали заимствованными в их латинских прототипах разного рода понятиями и терминами, которые получали замену, как правило, не всегда и не сразу. Отнюдь не для всех остатков латинской терминологии удавалось найти адекватные греческие эквиваленты. Трудные для перевода латинские термины при этом нередко оставляли на языке оригинала или давали в греческой транскрипции²¹³.

В этой связи хотелось бы отметить пристальное внимание ведущих специалистов, таких, как Л. Бургманн и его коллеги, к византийской правовой лексике. Их усилиями издан комплексный труд «Византийская юридическая лексика» («Lexica Iuridica Byzantina») и многие другие исследования и публикации уже цитированных ранее правовых лексиконов, вобравших в себя транслитерированную лексику и пояснения к ней²¹⁴. Здесь

²¹² Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV – VIII вв. Л., 1976. С. 95.

²¹³ Там же. С. 111.

²¹⁴ Fontes Minores (Далее – FM.) VIII / Ed. L. Burgmann, M.Th. Fögen, R. Meijering, B.H. Stolte. Frankfurt a/M., 1990. Например, см.:

получило отображение такое широкое понятие как «закон» («lex»), переименованное по-гречески в..., иначе говоря, «народное законоустановление» и получившее другие определения)²¹⁵. В то же время независимо от традиции Юстинианова законодательства в обозначении зависимого земледельца-«колона» («colonus») приводимое в одном из лексиконов разъяснение в духе византийского Средневековья сопоставляет носителя этого всем известного социального статуса («colonus» — sic!), в греческой транскрипции, с наймитом-«мистотом» (sic!)²¹⁶.

Нужно подчеркнуть, что задача изучения освещаемого явления признана не только чрезвычайно сложной, но и далекой от своего завершения²¹⁷. Из-за компилятивного характера византийского права вплоть до последнего этапа его развития не могло быть и речи о подлинной унификации юридической терминологии, не говоря уже о классификации более широких понятийно-категориальных отношений и связей, в которых лишь угадывался прообраз правовой системы будущего²¹⁸. Сами по себе различия написания и транскрипции в византийских правовых памятниках многих заимствованных из латинских прототипов понятий и терминов не просто заметно умножает в составе ключевого поля каждого из них число эквивалентных грамматических форм. Отклонения от норм правописания почерпнутых из другого языка заимствований, в особенности очевидные, если паронимы разделяет

Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται – Ein Theophilosglossar // FM. VI. Frankfurt a/M., 1984. S. 19-61; Idem. Das Lexikon αὐσηθ // FM. VIII. S. 248-337; Fögen M.T. Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // Ibid. S. 153-214; Stolte B.H. The Lexicon Μαρίππου // Ibid. S. 339-380; Gastgeber Chr., Diethart Joh. Λέξεις Ρωμαϊκῆς διαλέκτου – Ein byzantinischen Fremdwörter lexikon // FM. X. Frankfurt a/M., 1998. S. 445-476.

²¹⁵ См.: Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται... S. 50 (L.1); Idem. Das Lexikon αὐσηθ... S. 314 (L.19). Также см.: Fögen M.T. Das Lexikon... S. 195 (L.5).

²¹⁶ Burgmann L. Das Lexikon ἄδεται... S. 47 (K.18).

²¹⁷ Культура Византии: вторая половина VII – XII в. ... С. 228.

²¹⁸ См.: Культура Византии: XIII – первая половина XV в.М., 1991. С. 307-308.

значительный промежуток времени, то есть они относятся к разным хронологическим периодам, выступают наглядным признаком возможной трансформации значения терминов, соответственно, социокультурных сдвигов в развитии общества или цивилизации в целом. Распространение подобных инвариантов среди наиболее образованных и высоких по их уровню культурного развития представителей византийского общества, допустимо предполагать, оказывало влияние на широкий круг членов византийского социума.

В этом свете расхождения в правописании, череватые видоизменениями значения как нормативных, так и ненормативных словоформ, оказываются довольно убедительным подтверждением того положения современной лингвокультурологии, согласно которому внутренняя форма слова является наиболее ярким показателем этнокультурного своеобразия менталитета народа. Оно подкрепляется определенной системой наименований в принятой коммуникативной практике²¹⁹. Это, в свою очередь, делает настоятельной необходимость предусмотреть для них обособленные способы фиксации в составе соответствующих ключевых полей. В то же время одной из сложнейших научных задач языкознания признано установление эквивалентности между прототипами, известными в одном языке, и их транскрипциями – в другом: ведь эквивалентность слов напрямую сопрягается с проблемой тождества и требует разграничения нюансов с точки зрения синтагматики и парадигматики²²⁰. Одним из них, наверное, следует считать соотношение значения и смысла, которое раскрывается в «эквивалентности при существовании различия». Р.О. Jakobson считал это кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики²²¹. Существование этой парадигмы допускает проявление эквивалентности на уровне смысла в сочетании с различиями в плоскости

²¹⁹ Подробнее см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 127-128.

²²⁰ Степанов Ю.С. Язык и метод... С. 122-124.

²²¹ Jakobson P.O. Избранные труды... С. 363.

языкового содержания сопоставляемых высказываний и значений отдельных его элементов²²².

Оправданно сослаться на опубликованную некогда Ф. Зигелем славянскую компиляцию «Законы царя Юстиниана». Одно из первых их положений, хотя и косвенным образом, обнаруживает знакомство ее составителя с греческими узаконениями²²³. Несмотря на следование византийским образчикам, очевидна исконная самобытность текстологии и лексики древнейших памятников славянского права, в которых, даже прямое заимствование, как в приводимом примере использования греческого термина в одном из его основных значений «распоряжение-приказание», вовсе не доказывало полной адекватности в понимании прототипа и его рецепции.

Сохраняя в поле зрения приведенное положение, нужно указать на сделанное некогда Л.А. Новиковым настоятельное предупреждение о том, что семантическую проблематику нельзя сводить к изучению только значимостей и системы «чистых отношений» в языке, свободных от «значения». Взаимодействие лексических единиц в тексте требует лингвистического анализа согласно модели «текст» — «система». Важнейшим источником установления сходства и различия лексических единиц служит само их употребление, учет общих и специфических свойств их сочетаемости, то есть их дистрибуции. По сути речь идет о соотносительности синтагматических и парадигматических характеристик разного вида единиц лексико-семантической системы, которая дает возможность проводить семантический анализ, отправляясь от непосредственно наблюдаемых фактов текста к выявлению упорядоченной системы, то есть описанию классов тех или иных единиц, связанных определенными отношениями²²⁴. Затрагивая в связи с приведенными заявлениями проблему факта как такового, нужно сказать, что его сущность раскрывается в суждении о действительности, релевантной

²²² Подробнее см.: Бондарко А.В. Теория значений... С. 101.

²²³ Зигель Ф.Ф. Законник Стефана Душана... Приложен. С. 3.

²²⁴ Новиков Л.А. Избранные труды... Т. 1. С. 456-457.

семантике текста²²⁵. В этом заключено убедительное подтверждение тому положению исторической семиотики, согласно которому в сфере культуры факт рождается в ходе реконструкции. По мысли Ю.М. Лотмана, факт, будучи описан языками, формирующими семиосферу данной культуры и представляющими условие существования ее семиотического пространства, является не исходной точкой, а результатом анализа. Историк интерпретирует факты. Но каждый из них – не концепт или идея. Факт относителен с точки зрения универсума культуры. Как и текст, факт не до конца детерминирован семиотическим пространством той культуры, которой он неразрывно принадлежит²²⁶.

В конечном итоге нельзя не признать, что любые попытки изображать формирование специальных понятий исторической науки как процесс одностороннего движения, который регулируется черно-белым жезлом строго определенных факторов и представляет собою якобы «механизм», очевидным образом несостоятельны. И вряд ли названная проблема разрешима только на общефилософских основаниях или с помощью доводов рациональной логики, хотя бы потому, что настоятельно требует тонкого лингвистического анализа. Объяснение тому – самое простое: ведь специальные понятия и термины рождены к жизни, как правило, текстом источника и потому главным критерием для принятия решений относительно их природы остается происхождение, иначе говоря, тот контекст источника, из которого по воле ученого извлечено то или иное понятие и термин. Более того – их формирование, хотя и протекает в русле общественного сознания, неотъемлемо связано с когнитивными способами обработки информации, категоризации и концептуализации окружающей каждого члена общества действительности, равно и построения им своей собственной «картины мира». Этот процесс многослоен, затрагивая как человека прошлого, так и современного ученого. В этом плане перед современным

²²⁵ См.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 494 и далее.

²²⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 304-306. Подробнее о понятиях «семиосферы» и семиотического пространства» в концепции Ю.М. Лотмана см.: Там же. С. 163 и далее.

исследователем прошлого должна встать задача воссоздания всего спектра потенциально возможных умонастроений представителей изучаемой эпохи. Вероятно, не последнюю роль в снятии возникающих при том вопросов приобретает информационный анализ семантического поля исторического источника. Его составляет категориально-понятийная система, фундамент которой образован аутентичными понятиями и терминами. В свете их соотнесенности с социокультурной традицией византийского общества, выбранного автором этих строк как поприще для приложения концептуального анализа, формирование данной системы предстает в виде нескончаемого диалога социального и культурного, определяющего не только идейное существо, но и все ее содержание.

Литература

- Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II
Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I
Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korabiev. Deuxième Partie: Actes Slaves / Publ. par B. Korabiev // Византийский временник. СПб., 1915.
Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. Paris, 1984.
Actes de Kutlumus / Nouv. ed. par P. Lemerle. Texte. Paris, 1988.
Actes de Prôtaton. Texte / Éd. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.
Actes de Xénophon / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte. № 3.17-18; Doch. № 15.4-5; Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3.
Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991.
Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden, New York, Köln, 1998.
Armen. Hexabibl. V. 10, 1.I.
B.A. LX.55.2 — Proch. auct. XXXIX. 222 — Armen. Hexabibl. VI. 14, 8.
B.A. XXVIII.7.17; XXXVIII.9.41; XLI.1.88; LX.3.58.
Baloglou Ch.P. Economic Thought in the Last Byzantine Period // Ancient and Medieval Economic Ideas and Concepts of Social Justice / By S.T. Lowry, B. Gordon. Leiden; New York, Köln, 1998.
Bartusis M.C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453. Philadelphia, 1992.
Demetrius Chomatianus, arhiep. Bulgariae. Varia tractata // *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata* / Ed. J. Pitra Baptista. Parisiis; Romae, 1891. Vol. VI
Ducae Istoria turco-bizantină (1341 – 1462) / Ed. crit. De V. Grecu. București, 1958.

- Fögen M.T.* Das Lexikon zur Hexabiblos aucta // FM. Bd. VIII.
- Kaplan M.* Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. Paris, 1992.
- Karayannopoulos I.* Ein Beitrag zur Militarpronoia der Palaiologenzeit // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit / Hrsg. v. W. Seibt. Wien, 1996.
- Kazhdan A.* Il Contadino // L' Uomo bizantino / A cura di G. Cavallo. Roma; Bari, 1992.
- Kazhdan A. P.* The Concepts of Freedom (eleutheria) and Slavery (duleia) in Byzantium // La notion de liberté au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. Paris, 1985.
- Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985.
- Mavromatis L.* Storia del Pensiero politico // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti i problemi. Roma, 1982.
- Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1871. Vol. 4, T. 1.
- Proch. 33.14; Proch. auct. 33.15;
- Proch. 38.20; Proch. auct. 38.22; Armen. Hexabibl. II. 4, 90.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe. 900-1300. Oxford, 1984. P. 60 etc.
- Schreiner P.* Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Bibliotheca Vaticana. Città del Vaticano, 1991
- Svoronos N.* Storia del Diritto e delle Istituzioni // La Civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi. Roma, 1982.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. Vol. 3. \
- Weiss G.* Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIV Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 6-12 Septembre 1971. Bucaresti, 1975. Vol. II.
- Zachariä von Lingenthal K.E.* Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1955.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М., 1995.
- Арон Р.* Критическая философия истории: Эссе о немецкой теории истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Берлин И.* Подлинная цель познания. М., 2002.
- Бондарко А.В.* Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М., 1985.
- Будагов Р.А.* Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб., 1999
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М., 2002. С. 46.

- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998..
- Вин Ю.Я.* К вопросу о социально-экономическом содержании термина «ТА АΙΚΑΤΑ» византийских документов: основные направления исследования // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. М., 1994. С. 34-36.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г.* Основы антропологистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека. М., 2005.
- Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39-54.
- Зализняк А.А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Зигель Ф. Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872. Вып. 1. С. 197-198
- Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей // Древности: Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911.
- Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии. М., 2002.
- Калентьева Т.Л.* Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск, 1998.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002
- Кирик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кирик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003
- Кобозева И.М.* «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д.Дружинина. М., 1991.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Культура Византии: XIII – первая половина XV в.* М., 1991.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. М., 1999.
- Литиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV – VIII вв. Л., 1976.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999.
- Микишина Л.А.* Философия познания: Полемика главы. М., 2002.
- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 13 и далее. Также см.: Карасик В.И. Языковой круг... С. 166-167 и далее.

- Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002.
- Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования; Материалы. М., 2002.
- Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Морозов М.А. «Прония» в византийских монастырских уставах Григория Пакуриана и Михаила Атталиата // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 117-133.
- Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999.
- Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003
- Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М., 2000
- Новиков Л.А. Избранные труды. М., 2001. Т. 1: Проблемы языкового значения.
- Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
- Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
- Петров М.К. Язык, знак культура. М., 1991
- Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
- Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 2001.
- Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 2002.
- Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001.
- Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998;
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
- Трофимова Р.П. Культуролого-экономический словарь. М.; Екатеринбург, 2003.
- Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV – XV вв.). М., 1992;
- Хвостова К.В. Социальная информация в общественных отношениях в Византии // Вестник истории. 2003. № 11. С. 52-61.
- Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. М., 2000.
- Хроленко А.Т. Общее языкознание. Курск, 1999.
- Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск, 1996.
- Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Казарян В.П. Философия науки. М., 2005.
- Язык и антропологические сущности / Под ред. Г.П.Немца. Краснодар, 1997
- Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985